

Уэллс Герберт

Чудотворец

Герберт Уэллс

Чудотворец

(сценарий)

По мотивам одноименного рассказа

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Это сценарий фантастической комедии. Она обрамлена короткими Прологом и Эпилогом, которые помогут вскрыть ее подлинный смысл. Джордж Макрайтер Фотэрингей - абсолютно реальная личность, живой человек; от начала и до конца он остается самим собой. Все действующие лица - отнюдь не символы, но ярко выраженные характеры. Их надо суметь сыграть. Пролог и Эпилог служат для того, чтобы при создании фильма избежать вторжения (которое оказалось бы роковым) расслабляющего "символизма" в декорации, грим, костюмы, музыку, диалог - словом, в любой из компонентов фильма. Все должно быть совершенно как в жизни, все "подлинно", правдиво, вплоть до последних кадров мировой катастрофы. А Обрамление, напротив, должно с помощью музыки и операторского искусства получиться поистине грандиозным. Если, предположим, Обрамление снять, в сценарии останется связный фантастический сюжет, но Оно необходимо, чтобы подчеркнуть глубину замысла и сделать фильм "Чудотворец" равным по достоинству "Облику грядущего".

Заметьте, что сценарий завершает именно Фотэрингей, а не Эпилог. Фотэрингей - вот что главное. В противоположность "Облику грядущего" это фильм для больших актеров.

МУЗЫКА

Музыка в фильме должна звучать не прерываясь, то веселая, то гротескная, то бравурная и стремительная. Ведущие темы должны направлять интерес зрителя.

Например, Фотэрингея пусть сопровождает веселый, бойкий, но простой, легко запоминающийся мотив (с потенциальным пафосом). Иногда, в минуты душевных колебаний, он может насвистывать свой мотив сквозь зубы. Это придаст особую окраску его чудесам - невинную и комическую вначале, а по мере нарастания их размаха - зловещую, предостерегающую.

Музыка должна звучать и во время длинных красноречивых монологов чуть слышным аккомпанементом, словно за развитием действия следит целый оркестр невидимых духов и, увлеченный зрелищем, готов оглушить вас в самых драматических местах.

В Прологе пусть музыка сохраняет величественное спокойствие, его нарушит волнение, которое оборвется громовой тишиной, когда палец опустится на Фотэрингея.

Волнение в музыке еще не использовалось в кино с подобной целью подчеркнуть приближение кульминации. Надо проверить это на нашем фильме.

1. ИЗНАЧАЛЬНЫЕ СИЛЫ

Возвышенно-торжественная музыка.

Небо, усыпанное звездами, какое можно видеть ясной, морозной ночью в умеренном поясе. Вначале расположение звезд непривычное. Какие-то незнакомые туманности и два ярчайших созвездия из семи и одиннадцати самостоятельных светил. Звезды медленно плывут по экрану, и на их фоне проносятся Всадники. Затем в пункте, обозначенном буквой "А", появляются знакомые созвездия, однако несколько расплывчатые, искаженные, уменьшенные. В пункте, обозначенном буквой "Б", они располагаются в точности как мы привыкли их видеть - в зените Орион.

Два Всадника все явственнее проступают на фоне звезд; Это великолепные фигуры обнаженных мужчин на конях. Сперва они почти прозрачны, затем темнеют. Звезды ярко светят сквозь них; но вот Всадники делаются более плотными и четкими и наконец совсем затмевают собою звезды. Кажется, словно они не из плоти и крови, а из бронзы. Слышны их голоса, но кто именно говорит, разобрать трудно. Назовем первого Всадника Наблюдатель. Второго - Равнодушный. Третий пусть будет Игрок, или Дарующий Силу. На экране их имен нет. Они не так уж важны и приведены здесь лишь для удобства.

Наблюдатель. Наш брат Дарующий Силу все забавляется своей планетой. Вон он. (Указывает.)

Равнодушный. С той смешной планеткой, на которой обитают живые существа?

Он смотрит из-под руки, защищая глаза от яркого света звезд над головой.

Наблюдатель. Поглядим, что он там делает.

Это пункт А.

Огромные силуэты двух Всадников устремляются вперед через весь экран, постепенно кони исчезают из поля зрения, и полупрозрачные фигуры Всадников, Наблюдателя и Равнодушного теперь видны лишь до пояса - по правую и по левую руку от центральной фигуры. Они останавливаются вполборота к зрителю и смотрят на фигуру в центре. Это третье огромное, туманное видение имеет столь же прекрасный и героический облик. Поза его напоминает родэновского "Мыслителя", размышляющего над чем-то, что лежит у его ног. (Это пункт Б.) У ног его - солнечная система, сначала совсем крохотная. Постепенно она растет, и оба Всадника выходят за кадр, остаются лишь их голоса. Игрок еще здесь, виден смутно, но уже не прозрачен - под ногами у него и сквозь них, заполняя теперь почти весь экран, видна солнечная система и несколько ближайших звезд.

Равнодушный. Никак не можешь расстаться с этими жалкими тварями?

Игрок (качая головой). Это ты о людях?

Наблюдатель. Глупые, ничтожные создания. Копшатся, ползают. И зачем только они понадобились Создателю?

Игрок. Да, они малы и слабы. И все же я люблю их.

Равнодушный. Что от них проку? Раздави их.

Игрок (помолчав). Нет, я их люблю.

Наблюдатель. Глупости. Они омерзительны. Они подлы, жестоки и глупы. Тщеславны и жадны. Они давят, убивают, уничтожают друг друга.

Игрок. Они просто слабы.

Равнодушный. К счастью.

Игрок. Если бы они не были так слабы, то не вызывали бы жалости. Ведь их жизнь так коротка, а усилия так ничтожны...

Наблюдатель. Будь у них Сила, лучше бы от этого они не стали.

Игрок. Хочу это испытать - хочу дать им всю Силу, какая у меня есть.

Наблюдатель. Не делай этого. Ведь ты Дарующий Силу. Ты можешь дать Силу беспредельную. Что будет, если эти жадные, безмозглые людишки, которые только и могут, что плодиться да пожирать друг друга, рассеются меж наших звезд?

Игрок. Увидим.

Наблюдатель. Ты собираешься дать Силу всем им сразу?

Игрок кивает и улыбается, глядя вниз на землю.

Наблюдатель. Неужели беспредельную, всемогущую?

Игрок. Сила, которую я могу дать, имеет предел. Так повелел Создатель... В каждой личности есть нечто неодолимое ни для какой Силы. Это святая святых, Душа, или иначе. Индивидуальность, она подвластна лишь Создателю. Воля людей - в первооснове своей - свободна. Все остальное - их положение, их возможности - в моих руках...

Солнечная система постепенно растет и вытесняет с экрана Игрока, слышен только его голос. Три голоса звучат сверху, справа и слева. Теперь почти весь экран занимает солнечная система на фоне далеких звезд.

Наблюдатель. Посмотрим, чего стоят их Души!

Игрок. Освобожденная Воля Человека!

Наблюдатель. Расплодившиеся черви.

Равнодушный. Они осквернят звезды.

Наблюдатель. Не давай Силу всем сразу. Это будет подобно взрыву, испытай сначала нескольких. А лучше одного.

Игрок. Ничего не получится.

Наблюдатель. Испытай одного, и посмотрим, что у него за душой.

Равнодушный. Конечно. Испытай одного. Самого заурядного. Самого честного. Позволь ему делать, что он захочет. Дай ему Силу творить чудеса - любые чудеса.

Игрок (задумавшись). И в самом деле. Что ж, посмотрим...

Солнечная система все это время приближается и растет. Вот уже различима Земля, она на переднем плане. Видны рядом три головы, серьезно рассматривающие планету.

Игрок. Любого человека. Все они так похожи друг на друга. Выберу наугад.

И он медленно нацеливается пальцем на Землю.

Земля приближается на фоне звездного неба. Огромная рука касается указательным пальцем крохотной Земли.

2. ДАР

Пока слышны голоса, музыка (музыка сфер) звучит совсем тихо. Но как только смолкают последние слова, она становится громче, взмывает или, скорее, низвергается тревожным, напряженным, протестующим потоком... Внезапно она замирает; наступает зловещая тишина, подобная затишью перед бурей.

Вслед за этим бьют девять часы на церкви.

Под звездным небом виден Дьюинтон, провинциальный английский городишко, слабо освещенный несколькими газовыми фонарями, светом из окон, дорожными сигналами и пр. Камера обшаривает его по всем направлениям и останавливается перед питейным заведением. На улице ни души, кроме мистера Джорджа Макрайтера Фотэрингея, который не спеша приближается к кабачку. Это самый заурядный, бледный молодой человек, продавец из универсального магазина. В полной тишине на котелок мистера Фотэрингея падает черная тень, похожая по форме на палец. Мгновение она медлит, как будто через эту дрожащую, колеблющуюся тень проникает во тьме ток невидимой Силы. Потом тень исчезает. На мистера Фотэрингея, судя по всему, это никак не подействовало, он даже ничего не почувствовал. Остановившись перед дверью, он поправляет шляпу, перекладывает в другую руку трость и входит. Из раскрытой двери вырываются возбужденные голоса спорящих.

3. ЧУДО ПЕРВОЕ

Кабачок "Длинный дракон" в Дьюинтоне. Кабачок, как и все кабачки в центре любого английского городка. Буфетная стойка. Единственное освещение - большая керосиновая лампа, свисающая с крюка в потолке.

У стойки, склонившись, мистер Фотэрингей. Напротив него здоровяк Тодди Бимиш, мелкий строительный подрядчик. За стойкой раздобревшая буфетчица мисс Мэйбридж, она перетирает бокалы. На заднем плане мистер Кокс, хозяин заведения, он без пиджака. Слева, за столиком, почти под самой лампой сидит велосипедист; сразу видно, что происходящий спор ему совершенно безразличен. Справа у столика - пожилой господин с собакой, он с явным неодобрением медленно покачивает головой. В кадре крупным планом спорящие.

Тодди Бимиш. Пожалуйста, мистер Фотэрингей, сами вы можете не верить в чудеса, а я верю. Я бы даже сказал, что тот, кто отвергает чудо, подрывает основы религии.

Пожилой господин одобрительно кивает.

Мисс Мэйбридж. Вы совершенно правы, мистер Бимиш, бывают чудеса и чудеса.

Фотэрингей. Конечно, мисс Мэйбридж. Вот и давайте уточним, что именно считать чудом. Кто-нибудь станет доказывать, что восход солнца каждый день - это тоже чудо.

Тодди Бимиш. Некоторые так и считают.

Фотэрингей. А я - нет. Я называю чудом то, что свершается по чьей-либо воле вопреки естественному ходу вещей, - то, что без этой воли никогда не свершилось бы.

Тодди Бимиш. Это ваше личное мнение.

Фотэрингей. Но надо же как-то определить, что такое чудо. (Обращается к велосипедисту.) А как ваше мнение, сэр?

Велосипедист вздрагивает, откашливается и молча выражает согласие.

Фотэрингей обращается к Коксу, хозяину.

Кокс. Нет, нет, меня от этого увольте.

Тодди Бимиш. Ладно, согласен. Вопреки естественному ходу вещей. Пусть так. Ну, а дальше что?

Фотэрингей (продолжая развивать свою мысль). Пример. Вот вам чудо. Будет эта лампа, согласно естественному ходу вещей, продолжать гореть, если ее перевернуть вверх дном? Ведь нет, а, мистер Бимиш?

Тодди Бимиш. Вы сами и говорите "нет".

Фотэрингей. А вы? Ха! Не станете же вы утверждать обратное?

Тодди Бимиш. Нет. Не будет.

Фотэрингей. Прекрасно. Но вот является некто, ну хоть я, например, становится здесь, вот так же, как я, и говорит лампе, вот как я, собрав всю свою силу воли, и учтите, без всяких фокусов: "Перевернись вверх дном, приказываю тебе, но не падай и продолжай гореть..." Ух ты!

Лампа повинуется.

Крупным планом - изумленное лицо мистера Фотэрингея. Рука его все еще вытянута вперед. Рот разинут.

Все оцепенели от ужаса. Велосипедист, сидевший почти под самой лампой, осознает опасность и, согнувшись в три погибели, стремительно ретируется. Мисс Мэйбридж, которая в счастливом неведении продолжала наводить блеск на бокалы, оборачивается, видит чудо и вскрикивает. Потрясенный мистер Кокс восклицает: "Фу! Черт возьми!" Пес пожилого господина вскакивает и заливается лаем. До самого пожилого господина все происходящее доходит позднее.

Крупным планом мистер Фотэрингей, пот льет с него градом. "Нет, это невероятно, - шепчет он. - Мне ее не удержать. Сейчас упадет".

Лампа падает, разбивает каминную полку и гаснет. Но дело обходится без пожара. Лампа металлическая, и поэтому керосин не проливается. В кабачке темно, пока Кокс не приносит из задней комнаты другую лампу.

Кокс (с угрожающим спокойствием). А теперь, мистер Фотэрингей, прежде чем я укажу вам на дверь, потрудитесь объяснить, что это за глупые шутки.

Велосипедист (в крайнем возбуждении). Сроду не видал таких глупых шуток.

Тодди Бимиш. Зачем вам все это понадобилось?

Кокс. Чтобы духу вашего не было в этом доме! Прочь из "Длинного дракона", раз и навсегда!

Мисс Мэйбридж. Пусть сначала заплатит за две кружки пива, мистер Кокс.

Кокс. Да, да, и за ламповое стекло и за каминную полку.

Пожилой господин (вдруг выпаливает). Это у него проволока! Я знал одну девицу, которая проделывала такие же фокусы. Конченная была девица, ей-богу! Он это с помощью проволоки

устроил.

Мистер Фотэрингей (наконец снова обретая дар речи). Послушайте, мистер Кокс, право, я меньше всех понимаю, что случилось с этой проклятой лампой. Я ее не трогал. Клянусь вам, не трогал!

Крупным планом - недоверчивые лица, обращенные к Фотэрингею.

Мистер Кокс (неумолимо). Слушайте, вы, мистер Фокусник, хватит с нас всей этой суетни. Лучше уходите сами, пока я вас не выставил...

4. ЧУДОТВОРЕЦ ОСОЗНАЕТ СВОЮ СИЛУ

Провинциальная улица, слабо освещенная газовыми фонарями. Мистер Фотэрингей возвращается домой; воротник у него разорван, галстук съехал набок. Под фонарем он останавливается. Крупным планом его лицо.

- Что же все-таки произошло) Загадочная история!

Он идет дальше. Под следующим фонарем опять останавливается.

- Что же собственно произошло, а?

Бедняга совершенно озадачен. Вот он у третьего фонаря. Он жестикулирует, вспоминая, как падала лампа.

Действие переносится в спальню мистера Фотэрингея. Жалкая комнатенка в дешевом меблированном доме освещена лишь свечой. Мистер Фотэрингей, уже без пиджака и жилета, снимает воротничок, затем галстук.

- Мистер Кокс совершенно напрасно вышел из себя.

Он тщательно изучает петлю на воротничке, потом с особой аккуратностью вешает воротничок и галстук на небольшое обшарпанное квадратное зеркало. Погружается в размышления.

- Я-то вовсе не хотел, чтобы эта проклятая лампа опрокидывалась.

В его сознание закрадывается подозрение. Губы его продолжают бесшумно шевелиться.

- Вот вам и чудо... Только я сказал: "Приказываю: перевернись вверх дном!" - и вот вам.

Внезапная мысль поражает его. Он долго и пристально смотрит на свечу, словно хочет что-то сказать, но не говорит. Поднимает руку, протягивает ее было к свече, потом роняет в нерешительности. Видно, что он боится собственного успеха. Наконец все-таки произносит:

- Приказываю тебе. Поднимись на фут.

Горящая свеча поднимается.

Фотэрингей. Спокойней, спокойней, головы не терять. Только не терять головы, Джордж Макрайтер Фотэрингей. Свеча не упадет, пока вы ей не разрешите. (Он чуть ли не с мольбой глядит на свечу.) Нет...

Фотэрингей. Ну-ка, прямо держись, не сажай противных сальных пятен, а то мы не оберемся неприятностей, теперь перевернись, живо!

Горящая свеча повинуется.

На лице Фотэрингея написано удовлетворение: он начинает осознавать свою власть.

- На место, на стол! - уже почти небрежно бросает он.

Свеча выполняет приказание.

Потрясенный Фотэрингей садится.

- Ба! Да это чудо! В самом деле чудо, без дураков. Если выступить с таким фокусом, можно кучу денег заработать!

Он размышляет: "Похоже, что я могу проделывать то же самое с любым предметом. Например, со столом. А ну-ка!"

Он жестикулирует и что-то бормочет. Стол поднимается.

Фотэрингей (оглядывает стол). Переворачивать, пожалуй, рискованно. А ну вниз! (Стол с грохотом опускается.) Что теперь - кровать?

Бросает на кровать неуверенный взгляд.

- Великовата.

Но тут же обращается к кровати, сопровождая слова жестом - "Валяй, мол". Кровать поднимается.

Фотэрингей. Только не плюхайся сразу на пол, слышишь? Опускайся потихоньку.

Фотэрингей (размышляет). Их заставляет подниматься моя сила воли...

Он подходит к зеркалу, выпячивает подбородок, пристально вглядывается в свое отражение.

- Сила воли. Гипнотизм и всякое такое. А что, если теперь...

И он поднимается сам примерно на фут, но ему, очевидно, становится не по себе, и он опускается.

- Интересно, на что еще я способен?

Он вертит в руках колпачок, которым гасят свечи.

- А ну-ка, расти! Превратись в колпак, какие бывают у фокусников. Посмотрим.

Тут колпачок либо должен вырасти прямо на глазах, либо сразу превратиться в волшебный колпак в руках у Фотэрингея.

Фотэрингей. А теперь достанем из него что-нибудь. (Он ставит волшебный колпак на стол и засучивает рукава, как это делают фокусники.) Раз, два, три!

Но ничего не получается. Он повышает голос:

- Раз, два, три! Пусть под колпаком будет... котенок!

Он осторожно поднимает колпак и обращается к воображаемой публике:

- Пожалуйста, почтеннейшая публика, настоящий котенок!

Котенок озирается и прыгает со стола.

Фотэрингей. Стой! Кис-кис-кис!

Он бросается за котенком, но тот прячется под кровать.

Фотэрингей (в замешательстве скребет в затылке). Только бы не удрал. Ох, уж эти котята! Если он там что-нибудь натворит, мне житья не будет от матушки Уилкинс! Пойди сюда, кис-кис! Шалунишка. (Он наклоняется и зовет.) Кис-кис-кис! (Лезет под кровать. Торчат одни его ноги.) Иди сюда, тебе говорят. (Слышно, как котенок шипит на него.) Черт тебя возьми! Вот бесенок.

Он вылезает из-под кровати совершенно расстроенный и, стоя на коленях, внимательно разглядывает царапину на руке.

- Подушка для булавок, а не котенок!

Вдруг в голову ему приходит новая идея. Он ползет на четвереньках. Вытягивает руку вперед.

- А ну-ка ты, колючка! Превращайся в подушку для булавок. Ага, попался!

Он вытаскивает из-под кровати подушечку для булавок в форме котенка. С любопытством смотрит на нее, потом прячет под колпак.

- Сгинь! Раз, два, три!

Фотэрингей (обращаясь к волшебному колпаку). А теперь и ты снова стань обыкновенным колпачком для свечи, и дело с концом. Вот так.

Фотэрингей (в раздумье лижет царапину). Надо быть осторожней. (Новая мысль.) А ну-ка, царапины, заживайте!

Фотэрингей. Ба! Так, пожалуй, вся ночь пройдет с этими чудесами.

Часы бьют одиннадцать.

Фотэрингей. Пора спать, Джордж Макрайтер, спать пора.

Он садится на кровать и начинает расшнуровывать башмак.

Фотэрингей. Ничего подобного со мной не бывало.

Следующий кадр - та же спальня. Фотэрингей уже в постели. Свеча догорела до подсвечника. На кровати несколько кроликов, букеты цветов, трость, множество пар часов, два фарфоровых котенка. Сам Фотэрингей, не веря своим глазам, объедает гроздь винограда (сотворенного с помощью чуда).

Часы на церкви бьют два.

- Скандал! Уже два часа, я просплю, опоздаю на работу. Куда же мне девать все это барахло? Пусть сгинет все, что я тут сотворил. (Все исчезает.) Бог мой! Свеча совсем сгорела. Ну и достанется мне утром от старой матушки Уилкинс.

Он дует на мигающую, совсем оплывшую свечу. Но она не гаснет, пока он не догадывается сказать:

- Потухни.

Тут же становится темно, только окно видно. Поскрипывает кровать.

5. МИСТЕР ФОТЭРИНГЕЙ В ЗАМЕШАТЕЛЬСТВЕ

Звонит будильник. Церковные часы бьют семь. Звучит бодрая музыка.

Фотэрингей просыпается. Потягивается. Протирает глаза. Садится на кровати.

- Все это мне приснилось.

Недоумевает. Почесывает щеку.

Делает рукой магический жест. Шевелит губами.

На одеяло выскакивает зайчик и тут же исчезает.

- Вот те на! Значит, правда.

Принимает решение.

- Хватит чудес, во всяком случае, на сегодня. Хватит. Надо все обдумать... Куда это годится? Не успеешь с мыслями собраться, а чудо раз-два и готово. Довольно, мистер Джордж Макрайтер Фотэрингей, если вы не поостережетесь, неприятностей не оберешься.

Фотэрингей за завтраком.

Яйцо оказывается тухлым. Он его нюхает, разглядывает с негодованием. Превращает в хорошее. Получает чудом еще два. Приходит в замешательство.

- А вдруг хозяйка пожелает узнать, откуда лишняя скорлупа? Куда бы ее деть? О господи, вот задача! Есть! А ну, скорлупа, превратись в мух и фьюить отсюда... Неплохо придумано, а?

Часы на церкви бьют восемь. Фотэрингей встает и уходит. Он все так же задумчив.

Магазин "Григсби и Блотт". В большой витрине Билл Стоукер, он украшает витрину. Это видный, красивый молодой человек, пожалуй, чуть фатоватый, но уж куда привлекательней Фотэрингея. В глубине, в дверях, ведущих в служебное помещение, стоит Эйде Прайс, молоденькая манекенщица, и разговаривает (слов не слышно) с Биллом Стоукером. Это высокая брюнетка в длинном, облегающем фигуру платье из примерочной. Держится она кокетливо. Стоукер наклоняется, словно хочет сказать ей что-то по секрету. На улице появляется Фотэрингей. В нем вспыхивает ревность. Они его замечают. Тут же Эйде Прайс принимает вид недотроги. Обмен приветствиями. Фотэрингей входит в магазин.

Галантерейный отдел. За прилавком мисс Мэгги Хупер, весьма чувствительная блондинка с голубыми мечтательными глазами, одна рука у нее на перевязи. Ее помощница, веснушчатая Эффи Брикмэн, спрашивает:

- Мисс Хупер, как рука?

- Пока на перевязи и неподвижна, болит меньше. Для того и перевязь, чтобы не тревожить ее. Я сегодня что-то ужасно голодна, скорей бы завтрак.

Эффи. А мне совсем есть не хочется.

Мисс Хупер. Заболели?

Эффи. Нет, это из-за веснушек, я вся в веснушках. Выскочили еще две. Пудра не помогает. Ах, Мэгги, скоро я буду вся запудрена. А он этого терпеть не может. Да ладно, все равно теперь ничего не поделаешь. Кто это там крадется сюда из "Тканей"?

Мисс Хупер. Ничего, я окажу ему холодный прием.

Эффи. Не выйдет у вас, я уверена.

Мисс Хупер. Выйти-то выйдет. Только я не хочу"

Эффи. Где двое, там третий лишний. Я пошла.

Мисс Хупер. Это не обязательно.

Эффи. Но желательно. Согласны?

Она исчезает, а за прилавком появляется мистер Фотэрингей. Вообще-то не в его привычках покидать свой отдел, но сейчас мертвое время перед наплывом вечерних покупателей.

Мисс Хупер. В последние дни вы что-то не часто заглядываете к нам, мистер Фотэрингей. Не новое ли увлечение в примерочной? Ну-ну, мы уже все знаем.

Фотэрингей (с глупой улыбкой). Нет, сердце мое в этом отделе, мисс Хупер.

- Неужели?

- Да, это так. Я весь день искал случая поговорить с вами. Вернее, все утро.

- Неужели?

- Seriously, Мэгги! Со мной произошло что-то... что-то невероятное. До сих пор в себя не приду.

Мисс Хупер. Забыли получить деньги с покупателя или выиграли в лотерею?

Фотэрингей качает головой.

- Что-то невероятное... Влюбились, значит?

- Уже давно, и вы это сами знаете, мисс Хупер.

- Неужели?

- Да.

Оба лукавят.

- Говорят, вчера вечером выхватили лишнего в "Длинном драконе" и разбили лампу. Может, вы об этом?

- Да, об этом. В некотором смысле. Понимаете, это так странно. Стоит мне чего-нибудь пожелать, и мое желание исполняется.

- Вроде как пророчество?

- Нет, не пророчество, а чудо.

- Да ну вас.

- Истинная правда, Мэгги. Хотите докажу? Смотрите!

Сотворяет букетик фиалок и протягивает ей.

- Да вы просто фокусник, мистер Фотэрингей. Ловкость рук, и все тут. Какие хорошенькие фиалки! Прелесть. Не то, что букетик за шесть пенсов. Чудесный фокус! Они словно из ничего возникли. Вот если бы на самом деле уметь творить чудеса. Представляете, что можно было бы тогда сделать?

- Что, например?

- Больного сделать здоровым.

- Об этом я как-то не думал. Впрочем... ведь я же вылечил царапины.

- У меня вот растяжение связок на руке. Я бы много дала, чтобы опять свободно ею действовать: брать и класть все на место.

Фотэрингей. Пожалуйста! (Дотрагивается до ее руки.) Исцелись. Поднимите ее!

Мэгги пробует поднять руку. Сначала она делает это с опаской.

- Мистер Фотэрингей, вы же настоящий исцелитель. У вас дар исцеления.

Фотэрингей. Я еще и не такое умею.

- Вы могли бы делать людям столько добра!

- Наверное. Впрочем, так я и намереваюсь.

Мисс Хупер свободно двигает рукой. Чудо несомненно.

- А теперь помогите Эффи! Она так убивается из-за своих веснушек. Ее дружок терпеть не может веснушек, а у нее, как назло, вскакивают все новые. Ну...

- Я попробую.

Мисс Хупер (зовет Эффи, та появляется). Знаешь, мистер Фотэрингей умеет веснушки выводить. Правда, правда. Ну же, мистер Фотэрингей, давайте.

Фотэрингей. Пусть все веснушки исчезнут. (И поспешно добавляет.) И пусть у нее будет прекрасный цвет лица.

Превращение.

Мисс Хупер. Ах! Где зеркало?

Зеркало.

Эффи. Потрясающе! Как это у него получилось, не понимаю?

Фотэрингей. Я и сам не понимаю.

Звенит звонок.

- Второй смене обедать!

В кадре столовая магазина "Григсби и Блотт". Служащие обедают. Все за длинным столом, передают друг другу тарелки и прочее. Фотэрингей в центре, рядом с ним Мэгги Хупер, дальше мисс Эйде Прайс. Билл Стоукер сидит спиной к зрителю. Сбоку Эффи, у нее великолепный цвет лица. Тут же ученик и остальные. Во главе стола управляющая.

Фотэрингей (говорит). Не знаю, откуда это у меня. Просто я велю какому-нибудь предмету

стать тем-то и тем-то, или сделать то-то и то-то, и все получается. Возможно, тут играет роль сила воли. До самого вчерашнего вечера я понятия не имел, что способен на такое...

Билл Стоукер. Это когда разбили в "Длинном драконе" лампу? Мы уж слышаны.

Хозяйка. Только не вздумайте здесь чего-нибудь разбить, мистер Фотэрингей. Пожалуйста, никаких чудес ни здесь, ни в магазине. У нас магазин, а не Дом Чудес.

Мисс Хупер. Но руку-то он мне вылечил! А на Эффи поглядите!

Все в восторге от Эффи, которая любезно поворачивается к каждому по очереди лицом.

Хозяйка. Все равно это опасно. Майор Григсби ужасно сердится, когда что-нибудь разобьют. Право, не знаю, что бы он сказал, если б мы тут начали кидаться лампами.

Фотэрингей. Будь я уверен, что этот дар у меня навсегда, ну и загулял бы я. Всю жизнь мечтал об этом.

Билл Стоукер. Вот чего я не стал бы делать.

Эйде. А что бы вы сделали, мистер Стоукер?

Билл Стоукер. Уж придумал бы что-нибудь получше.

Фотэрингей. А что?

Билл Стоукер. Вот вы то кроликов сотворите, то фиалки, то хороший цвет лица и тому подобное. Вы словно дух природы, Фотэрингей. Но ведь все это детские игрушки. Почему бы вам не пожелать: "Пусть у меня в кармане окажется тысяча фунтов. Или, если уж на то пошло, пусть будет двадцать тысяч на счете в банке. И автомобиль... и большой особняк".

Хозяйка. Разве это честно?

Фотэрингей. Вероятно, всему есть предел. Хотя, слов нет, иметь такие деньги было бы очень кстати. Я еще об этом подумую.

Мисс Хупер. Но не забывайте о своем даре исцеления.

Билл Стоукер. Да он мог бы создать чудо-больницу. Кто ему мешает? Мог бы по всей стране устроить такие больницы. Приходил бы раз в неделю и всех вылечивал. Ничему другому это не помешало бы. Ну, а как насчет чудо-игры на скачках, без проигрыша? Господи, мне бы такую силу, ну и размахнулся бы я. И уж, конечно, отказался бы от великой чести служить у "Григсби и Блотта".

Хозяйка. Только все честь по чести, мистер Стоукер. Вы должны предупредить об уходе за месяц.

Эйде (мечтательно и с блуждающим взглядом - теперь Фотэрингей предстал перед ней в новом свете). Все в вашей власти. Вы могли бы стать богатым. Делать, что только вздумается. Могли бы направо и налево раздавать подарки. Да что там, могли бы бывать в высшем свете! Ах, мистер Фотэрингей, встречаться со всеми знаменитостями. Вас принимали бы при дворе, вы увидели бы самого короля!

Билл Стоукер. Ходили бы в мюзик-холлы!

Фотэрингей. Я как-то не собирался вот так все сразу... Честно говоря, я слегка побаиваюсь. И пока не думал совершать что-нибудь... особенное.

Мисс Хупер (как бы в пику Эйде). Вы меня лучше слушайте, мистер Фотэрингей. К чему такая опрометчивость? Разве можно творить чудеса как попало. Нельзя расточать такой дар на эгоистические дела!

Билл Стоукер. Оо! Значит, только на возвышенные!

Мисс Хупер. Да, именно на возвышенные, мистер Стоукер. Способность творить чудеса и дар исцеления - это не пустяки. Вам нужен хороший советчик, мистер Фотэрингей.

Хозяйка. Очень разумно. Вам необходим советчик, мистер Фотэрингей.

Фотэрингей (почесывая щеку). Пожалуй, да. Я как-то не думал об этом.

Мисс Хупер. Обратитесь к мистеру Мэйдигу, новому баптистскому проповеднику.

Хозяйка. Ах нет, мистеру Фотэрингею надо поговорить с нашим пастором.

Билл Стоукер. Уж будьте покойны, они вам присоветуют, что тот, что другой. Из обоих уж песок сыплется. Праведные старцы, умом обиженные, во всяком случае, наш пастор. А Мэйдиг просто болтун. Послушайте моего совета, Фотэрингей, думайте лучше о себе, чем о других. Не растрачивайте попусту свой Дар!

Эйде. На всем свете не найдется женщины, которая отвергла бы того, кто творит ради нее чудеса!

Фотэрингей бросает на нее взгляд.

Мисс Хупер. Поищите советчика, мистер Фотэрингей.

Хозяйка. Джейн, соберите, пожалуйста, тарелки. А теперь, кто хочет омлет с вареньем, а кто пудинг? С чудесами или без чудес жизнь все равно продолжается. Не можем мы здесь засиживаться, работа не ждет.

На экране отдел тканей магазина "Григсби и Блотт"; конец рабочего дня. За уборку здесь еще не принимались. В конце прилавка сгрудился целый ворох товаров, повсюду в беспорядке лежат развернутые рулоны тканей. Фотэрингей, ковыряя в зубах, прислонился в глубокой задумчивости к полкам.

Входит майор Григсби, хозяин магазина. Фотэрингей вытягивается.

Григсби. Живее, живее, мистер Фотэрингей! Что с вами сегодня? До закрытия осталось всего пять минут, а посмотрите, что тут творится, только посмотрите. Все вверх ногами. Да здесь на полчаса уборки.

Фотэрингей. Извините, сэр. У меня был сегодня довольно беспокойный день. Но я быстро справлюсь.

И он принимается скатывать кусок материи в рулон; тут его осеняет идея. Он жестикулирует и бормочет чуть слышно:

- Все по местам!

И в тот же миг рулоны сами скатываются, разбросанные товары выравниваются в правильные стопки - словом, все занимает свои места.

Григсби поражен. Он стоит, разинув рот. Смотрит на Фотэрингея, который упирается обеими руками в прилавок.

Фотэрингей (нарушает молчание). Я же говорил, сэр, что справлюсь быстро.

- Да, да, конечно, быстро. Я и не заметил, как... Гм, странно... но... Весьма, весьма странно. А вы уверены, что товар не пострадал при таком способе?..

Фотэрингей. О, это ему только на пользу.

Григсби, все еще не оправившись от изумления, медленно пересекает кадр. Оборачивается и смотрит на Фотэрингея, который нарочно глядит в сторону. Григсби отводит взгляд, потом снова оборачивается. Оба испытующе глядят друг на друга.

Григсби, оглядываясь на Фотэрингея, уходит. Фотэрингей почесывает щеку. Затемнение.

6. ИСТОРИЯ С МИСТЕРОМ УИНЧЕМ

Вечер. Улица. В отдалении кабачок "Длинный дракон". Прохожие. Фотэрингей после рабочего дня вышел подышать. В руке у него трость. Поигрывая тростью, он направляет свои шаги к "Длинному дракону". Останавливается в нерешительности. Продолжает вертеть в руках трость, что выдает его неуверенность. Постояв, круто поворачивается и уходит в другую сторону. Здесь крупный план отсутствует. Вся сцена снята с расстояния примерно в тридцать ярдов.

Поздний вечер. Яркий свет луны. С краю тротуара ступеньки. На ступеньках сидит Фотэрингей. Лицо его горит возбуждением; глаза широко открыты. Им владеет что-то среднее между вдохновением и безумием.

Фотэрингей. Я могу все. Решительно все. Захочу и сделаю с этой несчастной луной что мне вздумается. Все святые, любая наука - все ничто передо мной! И трусить тут нечего, говорю вам. Нечего трусить!

Он бьет тростью по ступенькам и ломает ее.

- А, черт, сломал трость! Семь шиллингов шесть пенсов заплатил за нее на рождество. Любимая моя трость.

Фотэрингей (сочувственно обращается к трости). Доломал тебя? Ну ничего, старушка, погоди. У твоего хозяина, надеюсь, еще не пропал дар исцеления. Все устроится как нельзя лучше. А ну-ка будь не тростью, а кустом, большим розовым кустом, прямо тут, на самой дороге, а на ветках пусть растут чудесные розы... Мм, какой аромат!

Фотэрингей. Стоп, кто это там шагает по дороге? Никак старина Бобби Уинч? Вот уж некстати! Назад, приказываю тебе. Фу, пропасть!

Розовый куст тут же отступает назад и наносит удар Уинчу представителю местной полиции; тот в ярости оглядывается по сторонам. Он только теперь показался в кадре. Слово Лаокоон, он вступает в короткую схватку с вьющимся розовым кустом, который весь усеян пунцовыми цветами и колючками.

Фотэрингей (розовому кусту). Черт возьми! Оставь же его! А вы отойдите. Дайте кусту исчезнуть.

Розовый куст исчезает.

Уинч наступает на Фотэрингея, тот встает ему навстречу. Каска Уинча съехала набок. Все лицо его в царапинах и мрачно, как туча.

Уинч. Послушайте, милейший. Это что еще за шутки? Кто вам позволил кидаться ежевикой,

а?

Фотэрингей. Я и не думал кидаться ежевикой. Просто... ну... если я что и сделал, так только чудо.

Уинч. Ха-ха-ха! Так это вы, мистер Чудотворец? Значит, это вы? Так-то вы проводите ночи, а? Разучиваете новый фокус? Ну-ну, только на этот раз вы перестарались. Пеняйте на себя.

Фотэрингей. Я совсем не хотел, чтобы этот куст задел вас, мистер Уинч. Поверьте, не хотел.

Уинч. Нет, хотели. Вы оскорбили полисмена при исполнении служебных обязанностей. Я уже слышал, что вы нарушаете общественный порядок. Теперь это подтвердилось.

Фотэрингей. Да, но... Все можно легко объяснить.

Уинч. Тем лучше, вот вы и дадите объяснения старшему инспектору.

Фотэрингей. Что вы, мистер Уинч, неужели вы принимаете все это всерьез?

Уинч. Не я - закон!

Фотэрингей (почти со слезами). Как, вы хотите меня арестовать? Меня, всеми уважаемого гражданина? Нет, вы этого не сделаете, мистер Уинч.

Уинч. Сделаю. Идите за мной.

Фотэрингей. Не пойду.

Уинч. Пойдете.

Фотэрингей. Ах, идите вы сами... в пекло! Я ведь...

Фотэрингей умолкает, пораженный. Полисмен исчез.

- Ну вот! О господи! Исчез. (Лицо у Фотэрингея бледнеет. Он шепчет.) Исчез, отправился в... в... в пекло!

Фотэрингей. Но если я его верну, он же всем разболтает...

Действие переносится в глухое место среди скал, озаренное мрачным светом. Из земли поднимаются тонкие струи пара. За скалы робко зацепилось какое-то странное полурастение, полуживотное. Через экран проплывают два печальных призрака, занятые глубокомысленным разговором. Они бесплотны и почти прозрачны. Вдруг, широко расставив ноги, появляется изумленный констебль Уинч.

- Где я?

Он сдвигает каску и почесывает затылок.

Уинч. В ловушку, что ли, он меня заманил? Вечные фокусы. А здесь, кажется, жарковато. Эй!

По переднему плану пробегает какой-то зверек, похожий на ящерицу. Над головой Уинча кто-то хлопает крыльями, но кто - не видно, лишь тень падает на скалы.

Уинчу явно делается не по себе, однако он держится молодцом. Вынимает записную книжку.

- Возьмем-ка лучше все это на заметку. (Достает огрызок карандаша.) Молодой полисмен должен все тщательно подмечать. Так, засечем время. (Смотрит на ручные часы.) Что за

черт, бумага почернела. И подошвы горят. Ну и ну!

Зрители снова видят Фотэрингея, одиноко стоящего посреди улицы, освещенной луной.

Фотэрингей. Пекло... Вероятно, местечко не из приятных. Нехорошо с моей стороны ни с того, ни с сего отправить человека в ад! А где же любимая моя тросточка? Ах да, пусть моя трость вернется, но... но только несломанная. Так, а теперь как же мне быть с Уинчем?

Фотэрингей (взывает к ночи). Как мне быть с Уинчем?

Фотэрингей. Вернуть его нельзя. Но оставить его там я тоже не могу... Есть! Сан-Франциско! Это же почти на другом конце света. Пусть мистер Уинч, где бы он ни был, немедленно отправляется в Сан-Франциско. И...

В кадре одна из оживленных улиц Сан-Франциско.

Вся эта сцена должна быть снята при ярком освещении, очень четко и с большого расстояния. Должно создаться впечатление, что мы видим все это издалека в полевой бинокль. Голосов не слышно. Звуковое оформление гудки, свистки, выкрики, но тихие, приглушенные, словно звуки волшебной свирели. (Примечание: поскольку в Эссексе 12 ч. 30 мин. ночи, значит, в Сан-Франциско 4 ч. 30 мин. полудни.)

Вдруг в самой суতোлке уличного движения появляется мистер Уинч в каске, сбитой набок, с записной книжкой и карандашом в руках. Светофор открыт. Неожиданное препятствие нарушает уличное движение. Мистер Уинч спасается просто чудом. Ведет он себя крайне неосторожно, летит сломя голову, но отделяется счастливо. Преследуемый двумя сан-францисскими полисменами и возмущенной толпой, он добирается до тротуара и делает отчаянную попытку улизнуть. Сбивает с ног китайца с бельем, опрокидывает корзину с яблоками, успевает подняться на несколько ступенек по пожарной лестнице, но тут его настигает полисмен, и он исчезает из виду, затерявшись в огромной, все растущей толпе зевак.

Опять перед нами Фотэрингей, медленно идущий к дому.

- Мне необходим советчик. Ясно, как день, мне необходим советчик. Не знаю, что же в конце концов делать с этим Уинчем? Все это слишком невероятно. Придется все время о нем помнить и каждые два-три дня отправлять его назад в Сан-Франциско. Но ведь дело не только в одном Уинче. Нет... Ведь у меня задумано еще кое-что, планов хоть отбавляй. Некоторые, как подумаю о них, даже... даже пугают меня...

- И все-таки надо за них приниматься. Хотя бы попытку сделать.

- Во-первых, Эйде...

Улыбка на его лице выражает радужные ожидания.

- Недурно бы заткнуть за пояс этого Билли Стоукера...

7. ЛЮБОВНАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

Все та же лунная ночь. Переулок между высокими, густыми изгородями, под которыми всегда темно, вливается в широкую, открытую улицу. Видны две пригнувшиеся фигуры, которые осторожно крадутся по переулку. В движениях обоих что-то виноватое. Когда они выходят на лунный свет, оказывается, что это Эйде и Билли Стоукер.

Эйде. Теперь, Билл, ты не станешь говорить, что я тебя больше не люблю?

Билл. Эйде, любимая моя. Ты лучшая на свете. Любимая. Моя любовь.

Эйде. Правда, твоя?

Билл. Конечно. (Он обнимает ее и целует.)

Эйде (глубоко вздыхая). Как хорошо! Божественно! Что может с этим сравниться! И подумать только, Билл, ты ревновал меня к этому бедняге Фотэрингею!

Билл. К нему и к его чудесам!

Эйде. Наверное, сейчас ужасно поздно, Билл?

Билл. Господи, половину уже пробило! Пора домой. Дверь запрут. Придется звонить.

Эйде. Нам нельзя возвращаться вместе, Билл. Пойдут разговоры.

Билл, Да, да. (Обдумывает положение.) Ты иди к парадной двери. А я обогну дом и влезу по водосточной трубе в мужскую спальню. Мне это не впервой. Окно никогда не запирают. Ну, я пошел переулком, нашим переулком.

Эйде. Смотри не упади.

Билл. Кто, я?

Эйде. Поцелуй меня на прощание, Билл.

Они целуются. Затемнение.

Эйде робко идет по улице прямо на зрителя, направляясь к магазину "Григсби и Блотт". На углу слева выныривает мистер Фотэрингей, весь еще во власти своих любовных мечтаний.

- Неужели это Эйде? Та самая девушка, о которой я только что думал!

Эйде. Неужели это Джордж! Вы знаете который час, Джордж? Вам хорошо, снимаете себе отдельную комнату и не должны каждый вечер являться не позже половины одиннадцатого.

Фотэрингей (останавливаясь перед ней). В такую лунную ночь, Эйде, я готов совсем не возвращаться домой. А вы?

Эйде. Ночь прелестна. Да, в самом деле прелестна. Сотворили какие-нибудь новые чудеса, Джордж?

Фотэрингей. Ничего особенного. Не так уж весело творить чудеса в одиночестве. Нужно, чтобы кто-то тебя вдохновлял. Ну, скажем, вот... Видите часы на церкви?

Оба оглядываются. Часы на церкви показывают без четверти одиннадцать.

Голос Фотэрингея. Вы и все остальные часы и будильники в Дьюинтоне, отстаньте на двадцать, нет, на двадцать пять минут, ну, живо!

Стрелки часов двигаются назад.

Снова улица.

Фотэрингей (показывает Эйде при свете зажженной спички свои наручные часы). Видите? На моих часах то же самое! Все в порядке, Эйде. Если теперь вы позвоните и вас впустят, то часы в прихожей вас тоже не подведут.

Эйде. Да, вот это настоящее чудо, Джордж. И очень милое.

Фотэрингей. Ну, для вас, Эйде, я мог бы и не такое чудо сделать. Знаете, зачем я переменял двадцать минут на двадцать пять? Только для того, Эйде, чтобы поговорить с вами немного. Понимаете?

Она (кокетничая). О, пять минут, Джордж, вы заслужили.

Фотэрингей. Я заслуживаю много большего. Я бы... для вас, Эйде, я бы мог творить неслыханные чудеса. Вы разжигаете мое воображение.

Эйде. Вы и так много сделали для меня.

Фотэрингей. Ах, Эйде! Что бы я ни сделал, только бы заставить вас... ну... полюбить меня, хоть чуть-чуть. Все что угодно. Если б только я мог заставить вас... ну, чтоб вам захотелось меня поцеловать.

Эйде. О, Джордж! Чудеса не чудеса, но так вы не должны со мной говорить.

Фотэрингей. Почему не должен? Разве я вам не нравлюсь? Ни капельки?

Эйде. Нравитесь, но только не так... Не так, мистер Фотэрингей. (Она умышленно не называет его Джорджем.)

Фотэрингей. Почему же не так?

Эйде. Не знаю. Право, не знаю.

Фотэрингей. У вас есть кто-нибудь другой? А? Я все вижу.

Эйде. Вас это не касается, мистер Фотэрингей. Во всяком случае, так вы мне не нравитесь. А не так... Вы славный, но не в моем вкусе. Тут уж ничего не поделаешь. Есть кто-нибудь другой или нет, от этого для вас ничего не меняется. Я не могла бы вас полюбить.

Фотэрингей. Не могли бы?

Эйде. Нет. И покончим с этим.

Фотэрингей. Минуточку, Эйде! Постойте! Вы уверены, что никогда не полюбите меня? А про чудо вы забыли? Что, если вас заставить?

Эйде. Как вы так можете, мистер Фотэрингей! (В испуге она отступает.) Нет, этого вы не сделаете, мистер Фотэрингей.

Фотэрингей. Ха! Посмотрим, моя милочка. Посмотрим, что получится. Не сделаю? А ну-ка, влюбитесь в меня. Влюбитесь безнадежно. Забудьте навсегда Билла Стоукера и любите только меня. Ну!

Она глядит на него как замороженная. Сначала не произносит ни слова. Потом шепчет:

- Нет. (И громче.) Нет. (Совсем громко и ликующе.) Нет! Нет, я влюблена в вас сейчас ничуть не больше, чем раньше! Чуда не вышло. Не вышло, мистер Фотэрингей. Нет никаких перемен в моих чувствах к вам. К вам со всеми вашими фокусами. Я вам не какие-нибудь несчастные часы, или там кролик, или еще что-нибудь такое. Как вы напугали меня, мистер Фотэрингей! Ох! Как напугали. (Она глядит на него, все еще не оправившись от испуга.) Мне пора, мистер Фотэрингей. (Она поворачивается и убегает.) Доброй ночи!

8. ДЕЛОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Магазин "Григсби и Блотт". В кабинете администратора майор Григсби. Это самоуверенный, коренастый человек, типичный владелец магазина, из бывших военных. Кабинет его отделен стеклянной перегородкой от бухгалтерии, за которой виден сам магазин. Большой письменный стол майора украшают деловые бумаги, образцы товаров и дамская шляпка на подставке. Майор обдумывает предстоящий разговор с Фотэрингеем. Повторяет про себя заготовленные фразы. Наконец нажимает на кнопку звонка. Появляется мальчик-ученик.

- Вызовите ко мне Фотэрингея. Или нет... Попросите мистера Фотэрингея зайти ко мне.

Опять повторяет про себя заготовленные фразы. Встает и принимается ходить по тесному кабинету, ведя спор с самим собой.

Появляется Фотэрингей, вернее, над матовым стеклом двери кабинета появляются его лоб и нос. Привычка заставляет его держаться с Григсби почтительно, но в манерах уже заметна уверенность. Он смотрит на майора, майор - на него. Потом он не спеша открывает дверь и спрашивает вежливо, но не заискивающе:

- Вы хотели меня видеть, сэр?

Григсби жестом администратора предлагает ему стул. Затем, вспомнив о своем положении, снова садится за стол.

Григсби (уже на своем месте). Прошу, мистер Фотэрингей, мне хотелось с вами поговорить.

Фотэрингей опускается на стул.

За своим столом Григсби снова чувствует себя великим дельцом, человеком сильным и пронзительным. Фотэрингей же, как всегда, полон нерешительности, новое сознание силы борется в нем со старым чувством зависимости. Так всегда бывает с человеком, которого вдруг щедро одарила судьба.

Григсби. Так вот. Мне нужно поговорить с вами. Признаться, мистер Фотэрингей, я был крайне поражен тем, каким способом вы вчера вечером привели в порядок свой отдел. До крайности поражен. Это было сделано молниеносно. Не могли бы вы... хм... не могли бы вы... (он склоняет голову набок)... все же объяснить мне, как вам это удалось? Мне говорили, что вы уже проделывали нечто подобное.

Фотэрингей (невольно настораживается, не зная, впрочем, против чего). Объяснить я могу... и в то же время не могу. Попросту говоря, это можно назвать чудом.

Григсби. А не кажется вам, что слово "чудо" несколько старомодно?

Фотэрингей. Ну, можно еще сказать, что это сделано... это сделано с помощью силы воли, вопреки естественному ходу вещей.

Григсби. А, сила воли. Теперь я начинаю кое-что понимать. Разве мог бы человек, не имеющий Силы Воли, создать за какие-нибудь семь лет столь солидное и преуспевающее предприятие, как наше, у которого уже три филиала и сорок девять служащих, начав дело с какой-то лавчонки и всего-навсего пяти помощников. Сила Воли важнее помощников, важнее компаньонов, важнее покупателей... Признаюсь вам откровенно, мистер Фотэрингей, вы никогда не производили на меня впечатление человека, который способен на нечто подобное.

Фотэрингей. Да я таким и не был. На меня это вдруг нашло.

Григсби. Вы никогда не замечали за собой этой Власти, не пробовали подчинять чужую волю своей?

Фотэрингей. Разве что изредка, с покупателями.

Григсби. И не очень успешно.

Фотэрингей. Мне кажется, и сейчас это не очень-то получилось бы. Я могу делать другое - просто чудеса, старомодные чудеса, вроде магии; ну там исцелять или могу заставить появляться и исчезать всякие предметы и животных, переносить людей и вещи куда угодно. И превращать одно в другое. Это все я могу. Никогда и не знал за собой такого, но вот, оказывается, могу.

Григсби (не спуская с него глаз). Однако влиять на чувства и поступки людей не можете?

Фотэрингей. Видимо, не могу.

Григсби. А пробовали?

Фотэрингей (уклончиво). Ничего не вышло.

Григсби. Ну-ка, ну-ка, расскажите.

Фотэрингей. Просто я хотел, чтобы один человек изменил свои чувства ко мне. Ерунда. Не стоит об этом и говорить.

Григсби. В этом замешана женщина? Тогда молчок. Эта область меня не интересует. Поговорим лучше о вещах серьезных, мистер Фотэрингей. Я хочу сделать вам деловое предложение. Так вот. Так вот... Даже если, как я понимаю, не в вашей власти доставлять людей приходиться к нам и покупать, у вас есть другие преимущества. Работоспособность. Высокое качество обслуживания. Например, вы могли бы наводить порядок в наших магазинах, открывать их по утрам, доставлять на места покупки... И все это с помощью чуда. Но как? Вам это не приходило в голову? Все очень просто. Я думал о том, как вы вчера привели в порядок свой отдел. Такая уж у меня привычка обдумываю все ночью перед рассветом. Никто и не подозревает о напряженности моей умственной жизни. Огромная сосредоточенность. Только представьте себе! "Григсби, Блотт и Фотэрингей - Чудеса мануфактуры". Само собой разумеется, вы должны подписать обязательство, что будете использовать ваш дар исключительно для нашего предприятия. Никаких чудес на стороне. Вы меня понимаете, мистер Фотэрингей?

Фотэрингей. Да, но...

Григсби. Я все продумал. Все рассчитал. В первый год мы могли бы гарантировать вам доход в три тысячи - три тысячи фунтов стерлингов! Нет такого конкурента, которого бы мы не обскакали, хотя бы по обороту и доходности. Мы будем торговать по всему западному побережью, по всей Англии. При таких преимуществах для нас нет невозможного. Хотите, назовите меня мечтателем, мистер Фотэрингей. Но поверьте, настоящий делец всегда немного мечтатель. Поэзия торговли! Я уже вижу, как капитал Григсби, Блотта и Фотэрингея превращается в миллионы, как мы проникаем во все уголки земного шара.

Фотэрингей. Во все?

Григсби. Во все!

Фотэрингей (на секунду задумываясь). И Сан-Франциско как раз в одном из таких уголков, а?

Григсби. Надо полагать. А что?

Фотэрингей. Да так, пришло в голову. Вы случайно не знаете, сэр, сколько отсюда до Сан-Франциско?

Григсби. Недели три или месяц, наверно. А почему вы об этом спрашиваете?

Фотэрингей. Три недели, не меньше?

Григсби. По крайней мере. А что?

Фотэрингей. Просто хотел узнать. У меня там родственник один.

Наплыв, а следом красочный эпизод в сан-францисской больнице. Мы видим форму мистера Уинча, его каску и пояс, которые висят то ли на вешалке, то ли в шкафу, их внимательно рассматривает нахальный репортер (Y). К самому Уинчу является еще один, уже более интеллигентный репортер (далее он зовется X). (Репортеры, участвующие в разговоре, обозначены X, Y, Z). В кадре появляется мистер Уинч, с забинтованной головой, в кресле на колесиках, окруженный вездесущими газетчиками (с весьма характерной внешностью).

X. Это все, что вы можете нам сказать, мистер Уинч?

Уинч. Да, это все, что я могу вам сказать.

Y. Но это же бред сумасшедшего.

Z. Никакого просветления.

Уинч уходит за кадр. Крупным планом - беседующие репортеры. Среди них один, X, - человек более тонкого понимания, чем остальные; он потрясен случившимся.

Y. Все равно, ребята, этот материал не пойдет. Малый просто свихнулся.

Z. Что он все-таки плел насчет каких-то роз и ежевики?

X. А между тем одет он был в самую настоящую английскую полицейскую форму. Слово даю, в этом что-то кроется. Из области Четвертого Измерения или тому подобного.

Y. Откуда он свалился? Вот единственное, что интересует меня.

X. А что вы думаете насчет его формы?

Z. К черту форму! Эд про это не тиснет ни строки. Мы в Соединенных Штатах привыкли, чтобы люди исчезали. Вот это чистый материал. Но ведь он не исчез, а появился. Нет, этим никого не удивишь.

X. Говорю вам, в одежде все дело, да и записная книжка у него вся обуглилась.

Z. И записи невозможно разобрать!

X. Но одно все-таки ясно: он самый настоящий английский полисмен и попал сюда прямо из Эссекса. В мгновение ока. Как? Одному богу известно. Но так быстро, что его башмаки и записная книжка обуглились.

Y. Можете преподнести это как материализацию духа!

Z. И убеждать в этом простаков, которые читают вашу газету. А мне место терять неохота.

Y. Вот-вот, морочить людям голову.

X. Это же блестящая сенсация! Нам всегда нужно искать что-нибудь свеженькое. И вот, пожалуйста, вам свеженькое - ничего подобного раньше не случилось. Но так как мы не можем подогнать эту историю под знакомый шаблон, придется от нее отказаться. Ничего не

попишешь, ребята. Точно так же, как отказались бы писать о полете в воздухе, о подводных лодках или радио полсотни лет назад. Это сверхновость. А сверхновости не для газет. Ей же ей, нет на свете ничего более низкого и жалкого, чем человеческое воображение! Мы свидетели самого удивительного и невероятного происшествия, но даже заикнуться о нем не смеем...

Х (размышляет с негодованием). Хоть умру, а дам репортаж об этой истории на первой полосе. Надо же разбудить у людей воображение. (Крупным планом его лицо, пылающее протестом.) Разве нельзя прямо говорить о чудесах? Неужели люди навсегда останутся ничтожествами?

Наплыв, и снова в кадре майор Григсби, разговаривающий с Фотэрингеем, который не столько увлечен и убежден, сколько подавлен напористостью майора.

Григсби. А ну-ка заставьте свое воображение поработать. Расточать такой дар, как у вас, - это все равно, что потерять его. Никакой пользы от него не будет ни вам, никому. Чудо направо. Чудо налево. Пробросаетесь чудесами - и все тут. Продешевите. Другое дело, если их направить по нужному руслу, сосредоточить в одних руках! Монополизировать! Поставить на службу только "Григсби, Блотту и Фотэрингею", вот тогда это будет огромная сила.

Фотэрингей. Картина весьма заманчивая.

Григсби. Заманчивая! Само собой разумеется. Я уже вижу, как в одну ночь мы превращаемся в титанов, подчиняем себе весь мир... ворочаем крупными делами... делаем большие деньги... становимся магнатами. Монополистами. Нельзя упускать такую возможность. Послушайте меня, мистер Фотэрингей. Я бы еще посоветовался с мистером Бэмпфилдом насчет всего этого: мистер Бэмпфилд служит в банке через дорогу от нас.

9. ВЫСОКАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

Фотэрингей, майор Григсби и мистер Бэмпфилд в небольшом кабинете дьюинтонского отделения Лондонско-Эссекского банка.

Мистер Бэмпфилд - сухой человечек невысокого роста, в пенсне; он, что называется, дока. Григсби возбужден, упивается собственным красноречием, излагая свой блестящий проект. Пока эти двое ведут беседу, Фотэрингей, по-видимому, кое-что уже прикинул. Постепенно в его поведении не остается и следа прежней почтительности. Начинает прорезываться его природный ум, не лишенный, правда, наивности. В нем уже проглядывает будущий капиталист. Держится он свободней. Не сидит напряженно, как было в кабинете у Григсби.

Бэмпфилд. Ну и удивили вы меня своим предложением, майор Григсби! Если бы два часа назад вы сказали мне, какие чудеса будут твориться в этом кабинете и какой проект создания всемирной сети "Универсальных магазинов чудес" мне будет предложен, я бы не поверил, ни за какие деньги не поверил бы.

Григсби. А сейчас верите?

Бэмпфилд. Верю.

Григсби. Я всю ночь ломал над этим голову. Пока не привел все в систему.

Бэмпфилд. Конечно, будут осложнения с Лондонским банком, но, надеюсь, мне удастся все уладить. Я думаю, вы можете смело рассчитывать на поддержку Лондонско-Эссекского банка, мистер Фотэрингей. Можете на нас рассчитывать, майор Григсби.

Фотэрингей. Да-а. Надеюсь, все будет в полном порядке. Сам я не очень-то разбираюсь в финансах и торговле. Но ведь, насколько я понимаю ваше предложение, этим мне

заниматься не придется.

Григсби. Ваша задача - посвятить свой чудесный дар всецело "Григсби, Блотту и Фотэрингею". Это - главное.

Бэмпфилд одобрительно кивает.

Фотэрингей. Вот тут-то мне и не все ясно.

Оба ждут разъяснений.

Фотэрингей. А как же дар исцеления, ну и все такое? Я вовсе не собираюсь превращать это в доходное предприятие.

Григсби (его осеняет блестящая идея). Мы могли бы при каждом нашем магазине открыть бесплатную поликлинику. Прием по вторникам и пятницам средства на это мы изыщем. Лечение бесплатное. Совершенно бесплатное.

Фотэрингей. Да-а. Это, конечно, можно. Меня смущает другое: почему бы нам и ткани не раздавать даром? Зачем все превращать в доходное предприятие?

Григсби. О, так у вас ничего не выйдет. Решительно ничего не выйдет.

Фотэрингей (вкрадчиво). Вероятно, у вас так не выйдет. Да-с. И потом, почему мы должны для этого изыскивать средства и... как это вы называете... выпускать акции?

Бэмпфилд. Всякое дело строится на прочной финансовой основе.

Фотэрингей (пытаясь разобраться). Мы должны делать деньги...

Григсби (проникновенно). Деньги, сэр, - двигатель всякого предприятия.

Фотэрингей. Но почему же, если нам нужны деньги, не делать сразу деньги?

Бэмпфилд. Это невозможно... (Пауза. Он пугается.) ...без самых губительных последствий.

Фотэрингей. Смотрите. (Вытягивает руку и шевелит губами. Появляется банкнот в сто фунтов.)

Бэмпфилд. Нет! Нет! Нельзя. Это незаконно. Это подлог. Ваш банкнот фальшивый.

Фотэрингей. Взгляните на него. Разве он не настоящий?

Бэмпфилд (ощупывая банкнот). Так не годится. (От волнения он даже встает.) Решительно не годится. Нельзя делать деньги, когда вздумается. Это пошатнет основы общества. Расстроит всю финансовую систему. Люди должны нуждаться в деньгах.

Григсби. Они должны нуждаться во всех решительно товарах.

Фотэрингей. Но я могу дать им все, в чем они нуждаются!

Григсби и Бэмпфилд (вместе). А им что останется делать? Какой же у них тогда будет стимул делать хоть что-нибудь?

Фотэрингей (почесывая щеку). Веселиться, например.

Григсби вскакивает с места. Фотэрингей сидит смущенный, однако пускаться в объяснения не собирается.

Бэмпфилд. Поверьте мне, мистер Фотэрингей, поверьте мне. Я изучал все эти проблемы...

весьма серьезные проблемы, еще когда вас на свете не было. Человеческое общество, я повторяю, зиждется на человеческих потребностях. Жить - значит нуждаться. Только безумные мечтатели - имен называть не будем - могут говорить о мире без нужды. Это сказка, миф. Это попросту неосуществимо.

Фотэрингей. А разве кто-нибудь пробовал?

Бэмпфилд. Кто же мог пробовать?

Лицо Фотэрингея хранит скептическое выражение.

Григсби. Помяните мое слово, мистер Фотэрингей, нельзя задаривать людей как попало. Все развалится. Полное банкротство. Пресыщение. Упадок. А если вы нас послушаете... доверитесь нам... Мы уже разработали план, как... как удержать ваш дар... очень, осмелюсь сказать, опасный дар... в пределах разумного. Между прочим, вы ведь станете мультимиллионером. Абсолютно точно. А люди получают все, что захотят, в пределах возможного.

Бэмпфилд. Постепенное процветание на общее благо. Никаких излишеств. А главное, без всяких потрясений.

Фотэрингей. Я должен все это обдумать.

На экране зал магазина "Григсби и Блотт". В дальнем конце входная дверь, через которую видна улица. На заднем плане один из продавцов, обслуживающий покупателя. Крупным планом Билл Стоукер; в отсутствие майора Григсби распоряжается он. Он приводит в порядок выставку летних зонтов. Еще один продавец стоит за прилавком.

Продавец. А где Фотэрингей?

Стоукер. Не видел с утра. Хозяин вызвал его к себе.

Продавец. Наверно, чтобы сделать внушение.

Стоукер. Вполне возможно.

Продавец. А все эти дурацкие чудеса.

Стоукер. Что и говорить, они до добра не доведут. Не по _нем_ все это. Воображения у него никакого. Вот если бы мне перехватить у него этот секрет. (Вертит зонтом и шлет воздушный поцелуй.)

На улице появляется Фотэрингей и входит в магазин. Несколько дней назад, увидев покупателя, он тут же бросился бы за прилавок. А теперь, не обращая на покупателя никакого внимания, он с мрачным видом останавливается посередине магазина. Держится он с достоинством. Только подойдя к Биллу Стоукеру вплотную, он поднимает глаза, глядит на него отсутствующим взглядом и кивает.

Стоукер. Хелло, Фотэрингей, что случилось? Где вы пропадали все утро?

Продавец. Ну как; здорово досталось?

Фотэрингей (медленно качает головой, чуть улыбаясь. Он полон важности, однако ему не безразлично, какое впечатление произведут на окружающих его слова). Не угадали. Просто я обдумывал одно деловое предложение. Как, по-вашему, звучит - "Григсби, Блотт и Фотэрингей. Магазины Чудес"?

Продавец. Ого! Не заливайте!

Фотэрингей. Так вот, я получил серьезное предложение. Дело крупное. Я и не представлял себе, но, оказывается, на этих чудесах можно заработать кучу денег - только успевай загребать. Целый капитал.

Продавец. Вот это да! "Магазины Чудес", а?

Фотэрингей. Или что-то в этом роде.

Продавец. А нас всех на улицу?

Фотэрингей. Об этом я как-то не думал.

Стоукер. Вы еще не дали согласия?

Фотэрингей. Нет. Мне хотелось бы все взвесить.

Стоукер. Кто еще в деле?

Фотэрингей. Григсби и... и банк.

Стоукер. Так, но почему вы должны делать деньги для них? Почему не для себя?

Фотэрингей. И для себя тоже.

Стоукер. Но почему именно для них? Если вам нужны деньги, делайте их для себя. Зачем стараться ради старого Григсби и Бэмпфилда?

Фотэрингей. О, так ничего не выйдет. Нельзя делать деньги только для себя.

Стоукер. Но почему же?

Фотэрингей. Мистер Бэмпфилд мне объяснил, Теперь я все понимаю. Это приведет к мировому хаосу. Всеобщему банкротству. Подорвет всю социальную систему.

Стоукер. Подорвет Григсби и Блотта, хотите вы сказать.

Фотэрингей. Он считает, что так делать не следует.

Стоукер. Сам бы он, не задумываясь, так сделал, если бы только знал, как подступиться. Послушайте, Фотэрингей, да эти дележки просто норовят к вам присоседиться. Эх, мне бы ваш волшебный дар...

Фотэрингей. И что?

Стоукер. Я покорию бы мир.

Фотэрингей смотрит на него, склонив голову набок.

Стоукер. "Новый курс Билла Стоукера" - что, недурно? Ну и дел бы я наворотил! Уж я бы не позволил морочить мне голову и пользоваться моим даром каким-то там "Григсби, Блотту и компании". Будьте покойны!

На экране лицо Фотэрингея. Он вникает в эту новую, однако не чуждую ему идею.

10. ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ ЭЙДЕ ПРАЙС

Отдел готового платья "Григсби, Блотт и Кь". На вешалках костюмы. Всюду зеркала. Затишье,

покупателей не видно. У зеркала Эйде Прайс, она красит губы.

Входит Фотэрингей и останавливается, увидев ее. Оба стоят в нерешительности, вспомнив, что произошло накануне.

Эйде (с напускным хладнокровием). Хелло, Джордж.

Фотэрингей. Зачем вам еще прихорашиваться?

Эйде. К сожалению, приходится, Джордж. Ничего не поделаешь. Губная помада и пудра. Почему вот вы не сделали меня такой же красивой, как Эффи? Она ослепительна! Когда я думала о ваших возможностях, я поняла, что вы ужасно скупы на свои чудеса.

Фотэрингей (оторопев слегка). Да бог с вами!

Бормочет и жестикулирует.

Эйде превращается в настоящую красавицу.

Эйде (продолжая глядеться в зеркало). Вот это мило, Джордж. И эта волна в волосах мне очень идет. О, я себе очень нравлюсь! Какая посадка головы и лебединая шея! А может, еще бриллиантовую тиару или что-нибудь в этом роде?

Фотэрингей. Почему бы и нет!

Появляется бриллиантовая тиара. Эйде недоверчиво подносит руку к голове.

Фотэрингей. Взгляните в зеркало.

Эйде (вздрагивая). Восхитительно! Ах, если бы она была настоящая! Чудесно.

Фотэрингей. Она и есть настоящая.

Эйде. В самом деле! А не могли бы вы сделать еще и жемчужное ожерелье, Джордж? Не понимаю, как у вас это все получается. С ума можно сойти!

Эйде так поглощена созерцанием в зеркале жемчужного ожерелья, что почти забывает о присутствии Фотэрингея.

Фотэрингей. Кстати, пора сменить ваше старое черное платье. А ну, пусть на ней будет роскошное одеяние, как у Клеопатры на сцене!

Эйде Прайс преображается.

Фотэрингей потрясен собственным чудом. Эйде стоит перед ним великолепная, торжествующая. На него она даже не смотрит. Она упивается собой.

Фотэрингей. Эйде, вы восхитительны!

Эйде. Нет, это вы восхитительны, мистер Фотэрингей. Я о таком и не мечтала. Если бы сейчас меня увидел Билл, он бы лишился чувств.

Фотэрингей (вдруг замечает, что в магазин входят покупатели). Покупатели! Они увидят вас в этом наряде. Скорей, Эйде, станьте прежней!

Эйде (снова превращается в самую обычную молодую женщину. Глядится в зеркало). Вот я опять такая же. Ничто не изменилось. А была я другой, Джордж?

Фотэрингей уже занялся своими коробками. Покупатели входят в отдел в сопровождении Билла Стоукера, и Эйде спешит их обслужить. Она еще не пришла в себя и продолжает хранить королевское величие.

Фотэрингей в нерешимости оглядывается на нее и затем, вконец расстроенный, уходит из магазина.

11. ЗА СОВЕТОМ

Гостиная, устроенная миссис Григсби и миссис Блотт для продавцов. Не бог весть какая обстановка, небольшой книжный шкаф, диван, мягкие стулья, стол и прочее. Часы показывают четверть десятого. Мисс Мэгги Хупер в одиночестве за рукоделием.

Входит Фотэрингей. Увидев ее, останавливается.

Мисс Хупер. А вы что делаете здесь так поздно?

Фотэрингей. Сам не знаю. Я только сейчас пришел. Наверное, хотел повидать вас. (Садится на диван.) Мэгги, меня что-то начинают пугать все эти чудеса.

Мисс Хупер. Я же говорила, что вам нужен хороший советчик.

Фотэрингей. Я только и делаю, что выслушиваю советы, но все это не то. Не понимаю, что со мной. Не знаю, куда деваться от своих чудес, боюсь давать им волю. Скорее во мне самом происходит что-то фантастическое, чем вокруг меня. Мне начинает чего-то недоставать, чего-то все хочется. Как бы объяснить вам... У меня появилось скверное воображение, Мэгги. Опасное воображение.

Мисс Хупер. Ну, а что я вам говорила? Повидайтесь с мистером Мэйдигом. Вы могли бы пойти к нему сегодня же вечером. Он принимает у себя дома.

Фотэрингей. Да что он может мне сказать?

Мисс Хупер. Я вас сколько раз приглашала на его проповеди. Он великолепен, когда в ударе. Возвышает душу. Отвлекает от мрачных мыслей.

Действие переносится в кабинет мистера Мэйдига.

Мистер Мэйдиг сидит в низком кресле у пылающего камина. Это долговязый человек, с длинными руками, ногами и шеей. У него вкрадчивый голос пламенного проповедника, выражение лица, как правило, возбужденное и восторженное. Рядом столик с книгами, на нем, кроме книг, "Дейли геральд", еженедельная газета "Новый век", бутылка виски, сифон и бокал виски с содовой. Книги показываются крупным планом: "Через пространство и время" Джина, "Природа, человек и бог" Темпла, "Вселенная" Дапна, "Психология и жизнь" Уэзерхеда, а также "Руководство по современной политике", авторы Г.Д.Х. и М.А.Коул.

В руке мистер Мэйдиг держит "Свободу и государственное устройство" Бертрана Рассела.

Другой рукой он жестикулирует. Он не столько читает, сколько походя рассуждает. А вернее, и вовсе не читает, книга лишь вдохновляет его.

Мэйдиг. Так, так! Превосходно, превосходно. Было бы целесообразно весь этот жалкий порядок вещей подчинить желаниям людей. Да, мои дорогие друзья, мои возлюбленные друзья, наш бедный, неустроенный мир, наш богатый и великолепный мир. Разве вы... Нет! Разве мы... Нет, нет и нет... Если мы когда-нибудь решимся отвести взгляд наш от материальных благ - от ничтожных, но столь необходимых жалких вещей, нас окружающих, подумайте... возмечтайте... возмечтайте, каким мог бы стать наш мир. Только подумайте...

Возмечтайте, каким он мог бы стать. Если бы только мы были властны... если бы только в нас достало веры...

Стук в дверь, появляется экономка.

- Какой-то молодой человек очень вас добивается, сэр. Его фамилия Фотэрингей. Говорит, дело не терпит отлагательств.

Мэйдиг (пытается припомнить). Фотэрингей? Не знаю такого. Одет прилично? Не попрошайка?

Экономка. Нет, ничего похожего. Но что-то у него стряслось, сэр, говорит, ему надо посоветоваться.

Мэйдиг. Тогда просите, просите его сюда. Я ведь никогда не отказываю... в таких случаях. Всегда готов служить, чем могу.

Экономка выходит, а Мэйдиг прячет виски, сифон и прочее, наскоро осушив перед этим бокал. Перекладывает книги, чтобы видны были корешки. Встает на коврик перед камином, готовый встретить посетителя. Поднимается на цыпочки. Напускает на себя важность. Входит слегка робеющий Фотэрингей.

Мэйдиг. Слушаю вас, сэр, чем могу служить?

Фотэрингей. Мне говорили, что вы даете людям добрые советы... а со мной случилась такая странная неприятность - если только это можно назвать неприятностью, - которую вам, как святому отцу...

Мэйдиг. Продолжайте.

Фотэрингей. Так вот, со мной произошла невероятная история. Я всегда считал, что я ни на что не способен. А теперь постепенно убеждаюсь, что могу добиться решительно всего, чего захочу... с помощью силы воли.

Мэйдиг. Что вы подразумеваете под "силой воли"?

Фотэрингей. Чудеса.

Мэйдиг. Чудеса?

Фотэрингей. Ну да, чудеса просто одолели меня!

Мэйдиг (пристально всматривается в своего гостя). Дорогой сэр, а вы в здравом ли уме? Уверю вас, чудес в наше время не бывает.

Фотэрингей. Но, может быть, вы измените свое мнение, если... если я сотворю какое-нибудь чудо?

Мэйдиг. Что ж, тогда посмотрим. Я человек широких взглядов. Никто мне в этом не откажет.

Фотэрингей. Так что же сделать? Пусть что-нибудь появится, а? Только вся эта возня с кроликами, котятами и букетами цветов мне уже порядком надоела. Придумал! Пусть появится пантера, настоящая пантера, вот здесь, прямо на коврике перед камином.

Между двумя мужчинами появляется припавшая к полу пантера. Мэйдиг пятится и опрокидывает столик. Судя по всему, Фотэрингей тоже испугался зверя. Да и пантера напугана не меньше их. Она приготовилась к защите. Выпустив когти, с угрожающим рычанием озирается, затем прыгает на них, повернувшись хвостом к зрителю, так что

закрывает большую часть экрана.

Слышен голос Фотэрингея: "Эй! Исчезни! Испарись!"

Пантера исчезает, и Мэйдиг с Фотэрингеем остаются лицом к лицу, между ними лишь помятый коврик.

Фотэрингей. Ну, что скажете?

Мэйдиг (постепенно приходя в себя). Да, это что-то необыкновенное. Но не чудо!

Фотэрингей. Вы хотите сказать, что здесь только что не было настоящей пантеры?

Мэйдиг. Конечно, нет, любезнейший. Нет. Это галлюцинации. Старо, как мир.

Фотэрингей. Ничего себе, пантера - это галлюцинации! Посмотрим! Сейчас я вызову ее опять.

Мэйдиг. Не надо, не надо! Ведь...

Фотэрингей. Поглядите на эти следы когтей на полу. Видите? Что ж, по-вашему, галлюцинации могут оставлять такие следы, да?

Мэйдиг. Я только хотел убедиться. Да, да. В самом деле, следы какого-то огромного хищника. (Он уже и не думает возражать.) И вы обнаружили в себе такие способности? А знаете ли, мистер... мистер...

Фотэрингей. Фотэрингей.

Мэйдиг. ...мистер Фотэрингей, вы только что совершили настоящее чудо. Долой все сомнения! И вы... вы еще многое можете в этом же духе?

Фотэрингей. Вот об этом-то я и хотел посоветоваться с вами, мистер Мэйдиг. Я могу что угодно. Могу исцелять. Могу наводить порядок, чинить все подряд. Могу превращать одно в другое. Не могу только, так сказать, залезать людям в душу, а в остальном для меня нет ничего невозможного, все в моей власти.

Мэйдиг (склонив голову набок, изрекает с мечтательным видом). Но это же Сила!

Фотэрингей. Конечно. А что мне с ней делать? Что бы сделали вы на моем месте? Или всякий другой? Знаете, мистер Мэйдиг, удивительное дело, до того, как я узнал, что могу творить чудеса, я думал, что прекрасно знаю, чего хочу, но не мог этого получить. А теперь, когда я могу иметь все, что, так сказать, душе угодно, меня словно что-то удерживает. (Он замолкает, желая увериться, что Мэйдиг его слушает.)

Мэйдиг (все еще под впечатлением осенившей его блестящей мысли). Сила. Сила. Ах, мой молодой друг, чего вам только не сделать, чего вам только не сотворить с нашим миром! Можете излечить всех от болезней! Вы думали об этом?

Он опускает свою костлявую руку на плечо Фотэрингею, а большим пальцем другой руки указывает в пространство.

- Почему бы не изгнать из мира все болезни? Одним махом сделать то, что доктора и наука преодолевали шаг за шагом! Мир без болезней, а?

Фотэрингей. Я об этом как-то не подумал. Я думал, что вот захочу и вылечу то одного, то другого.

Мэйдиг. Нет, изгнать все болезни и навсегда.

Счастливым век нам снова дан,

Счастливым и великий!

Уже расходится туман

Империй и религий.

И мира дружная семья

Меняет кожу, как змея!

[П.Б.Шелли. Из драмы "Эллада"]

Настанет благоденствие! Вы всех щедро одарите хлебом, богатым урожаем. О чем еще мечтать?

Фотэрингей. А ловушки тут никакой не может быть, как по-вашему?

Мэйдиг. Какой ловушки?

Фотэрингей. Мне казалось, что лучше приниматься за все постепенно. Когда сразу размахнешься, могут быть всякие неожиданности. Вот хотя бы эта пантера...

Мэйдиг (вскидывает голову). Конечно, некоторая осмотрительность не помешает, что и говорить. Мы должны действовать осторожно. С пантерами тоже надо уметь справляться. Спешить не следует, это верно, но и откладывать не стоит. В вашей Силе мне видится нечто великолепное, это надежда всего человечества, поистине Светлая Надежда.

Фотэрингей. Но когда я сказал майору Григсби и мистеру Бэмпфилду, что заведенный порядок можно и нарушить, они очень испугались и просили, чтобы я этого не делал. По-моему, они опасаются какой-нибудь ловушки.

Мэйдиг. Это люди недалекие, весьма недалекие. Я никогда не мог столкнуться ни с тем, ни с другим.

Фотэрингей (продолжает). Так вот, мистер Бэмпфилд говорил, что люди держатся друг друга только из-за денег, только потому, что им нужны деньги и вещи, а если они им будут не нужны, то незачем будет работать.

Мэйдиг. По-моему, это возмутительно. Просто возмутительно. Выходит, они совсем не верят в Человека? (Он словно парит над Фотэрингеем, подкрепляя каждое свое слово жестами.) Разве не существует искусства? Красоты? Разве мало еще непостигнутого человеческим разумом?

Фотэрингей. Видимо, мистер Бэмпфилд полагает, что с этим спешить не обязательно.

Мэйдиг. Значит, у этого человека нет воображения. Значит, у него нет души. Значит, он уже успел забыть розовые мечты своего детства. Одно слово - делец! Банкир! Подальше от таких людей! Это не человек, а банкрот в процветающем мире!

Фотэрингей. Они действительно могли бы получше устроить мир.

Мэйдиг. Еще бы! Но разве станут они об этом заботиться, пока их не заставят? Пока обстоятельства не вынудят их? Ни за что. С этого мы и начнем. Завтра же. А сейчас представим себе, что вдруг у каждого бедняка на нашей планете очутилось в руках пять

фунтов. Так, чтобы каждый мог пойти и купить себе, что захочет! Только представьте себе! Только представьте себе, что получится.

Фотэрингей. Я не прочь попробовать. Если вы уверены, что тут нет ловушки. Но мистер Бэмпфилд будет возмущен.

Мэйдиг. Какое там возмущен, надеюсь, его хватит удар! А уж потом займемся исцелением. Всех подряд. Каждый вдруг воскликнет: "Да, я совершенно здоров! И полон сил".

Фотэрингей. В этом я ничего дурного не вижу.

Мэйдиг. Я тоже.

Фотэрингей. А если останутся без работы врачи?

Мэйдиг. И что же?

Фотэрингей. Ну, они, естественно, думают, что это их дело лечить нас...

Мэйдиг. О господи! О дух Справедливости! Неужели мы так и будем вечно ублажать банкиров и дельцов, а больные - вечно печься о гонорарах врачей?

Фотэрингей. Я только подумал, что все очень сложно.

Мэйдиг. Конечно, конечно. Сейчас не стоит ломать себе над этим голову. Само собой, мы постараемся, чтобы на долю врачей и торговцев что-нибудь да осталось. Нельзя сделать все в один миг. Существует инерция, о которой не следует забывать. Надо все обдумать и еще раз обдумать. Спать я сегодня не буду, мистер Фотэрингей. Не сомкну глаз. Буду бодрствовать. Последняя ночь мира нищеты! Последний вздох перед Рассветом. Какая великолепная мысль! Неужели вы сможете заснуть?

Фотэрингей. Ну, знаете, у меня был такой тяжелый день.

Мэйдиг. Нет, вы просто агнец божий. Вы-то заснете. Но я не могу расстаться с вами вот так. Давайте сначала сделаем хоть одно самое пустячное доброе дело в залог наших будущих дел. Надо только подумать. Что-нибудь самое пустячное. Вот! У меня есть сосед полковник Уинстенли. Член парламента, человек влиятельный, но ярый противник прогресса. Всегда обходится со мной крайне невежливо. Впрочем, я зла на него не таю. Он до глубокой ночи не ложится, все пьет и пьет, боюсь, совсем сопьется. Я сам не слишком строг в этих вопросах, но он просто запойный пьяница. Сейчас он наверняка сидит и беседует с графином. Вот возьмите да замените содержимое графина чем-нибудь невинным. А весь дом его увешан шпагами и прочим оружием. Превратите их в земледельческие орудия. Например, шпаги в серпы.

Фотэрингей. А ему это понравится?

Мэйдиг. Сначала нет. Но это заставит его задуматься.

Фотэрингей (с неохотой). Пожалуй, я не прочь что-нибудь сделать, прежде чем уйти спать. Как вы сказали - полковник Уинстенли? Готово! (Жестикулирует и беззвучно командует.)

12. УСМИРЕНИЕ ПОЛКОВНИКА УИНСТЕНЛИ

Холл в доме полковника Уинстенли. Стены украшают две тигровых головы, несколько наконечников для копий, малайские кинжалы, шпаги и другое оружие. Раздается резкий звонок. Холл поспешно пересекает дворецкий с перепуганным лицом, без галстука, на ходу надевая и застегивая сюртук. Кинокамера следует за ним через большую, темную, ничем не

примечательную гостиную в кабинет полковника. Мы видим полковника, он стоит возле кресла перед камином, на нем морской китель, в руке у него бокал виски, на лице выражение величайшего отвращения. Это красивый, видный старый вояка, однако нрава желчного и нетерпимого. Он делает глоток и бросает на дворецкого обличающий взгляд.

Дворецкий. Вы звонили, сэр?

Полковник. Шесть раз. Вы что-то рановато укладываетесь спать, Моды. А ну-ка объясните мне, что за дьявольщина с этим виски? С ним что-то неладное. Куда девался запах? Оно совершенно выдохлось. Хуже того. Оно потеряло вкус, вы слышите - потеряло всякий вкус. Что вы с ним такое сделали? Вы его разбавляли, Моды? Разве это похоже на виски?

Дворецкий. Это старое доброе виски, сэр. Выдержанное.

Полковник. Это не доброе старое виски, и оно вовсе не выдержанное. Никакого огня. Никакой крепости. Что вы с ним такое сделали?

Дворецкий. Уверю вас, сэр...

Полковник. Не станете же вы уверять меня, что я пью виски, если это не виски!

Что-то падает со страшным звоном, и разговор прерывается.

Полковник. А это еще что за чертовщина? Что случилось? Сначала мне подадут воду вместо виски, потом дом рушится. Что-то неладное с моей коллекцией. Ступайте посмотрите. Ступайте же! Ну что вы уставились и ни с места?

Дворецкий выходит.

Полковник (снова принимается за виски). Это ОТПАВА. Меня отравили. Эй! Моды! Что случилось? Почему вы там застряли?

Из гостиной слышны быстрые шаги дворецкого.

Вот он опять появляется, оставив дверь в гостиную открытой. На лице его написаны ужас и изумление, в руках он держит серп.

Дворецкий (говорит с трудом). Ничего не понимаю, сэр. Три минуты назад, когда я проходил через холл, все было в полном порядке. А сейчас... это что-то ужасное.

Полковник. Что ужасное? Говорите же, что?

Дворецкий. Ваша коллекция, сэр... Вся ваша коллекция...

Полковник. Ну, говорите же, ну!

Дворецкий. Вся коллекция, решительно вся, так сказать, исчезла, сэр.

Полковник. Исчезла!

Дворецкий. Да, сэр, исчезли шпаги и все остальное, а вместо них полно разных других штук, которые, по-моему, смахивают на сельскохозяйственные орудия... все это разбросано по полу. Вот посмотрите.

Дворецкий с отвращением протягивает серп полковнику, и тот осматривает его.

Полковник (не скрывая удивления). Что это? Что означает этот символ большевиков? В чем дело? Как все это понимать? Неужели весь дом сошел с ума? Исчезли мои шпаги! Как

исчезли? Что вы говорите? Ничего не понимаю. Пойдемте поглядим.

Холл в доме полковника. Полковник и дворецкий созерцают картину разгрома. Коллекция полковника превращена в лемехи и серпы, почти все они валяются на полу.

После краткого молчания полковник восклицает:

- Попадись мне тот ИДИОТ, который натворил все это! Разве в Дьюинтоне нет полиции? Этот прохвост побывал здесь только что, пока я сидел в кабинете. Он украл мои шпаги! Это ясно как день. Но на кой черт он оставил здесь всю эту дрянь?

Звонок у входной двери.

Полковник. Кто еще там звонит в такой поздний час?

Дворецкий. Не представляю себе, сэр.

Полковник. А вы не представляйте. Вы идите и поглядите! Ну, если кто-то решил меня разыграть, я ему покажу...

Дворецкий отворяет входную дверь. Появляются старший инспектор полиции Смитлз и полисмен Тамбл. Оба смущены. У помощника инспектора в руках телеграмма.

Полковник (вне себя). Ах, это вы! Полюбуйтесь, полюбуйтесь, что здесь творится. Мои шпаги... моя коллекция! Вам что-нибудь известно? Входите же, черт вас подери! Ну, что вы застряли на пороге и глазами хлопаете? Это случилось только что! Входите и полюбуйтесь, что случилось с моим оружием!

Старший инспектор и полисмен, тяжело ступая, медленно входят и с недоумением оглядывают холл, в котором, царит полный беспорядок. Затем обмениваются многозначительными взглядами.

Полковник (рявкает). Ну?

Старший инспектор. Та-ак, вот, значит, еще.

Полковник. Что еще?

Старший инспектор. Еще чудеса.

Полковник Уинстенли готов разразиться проклятиями, но, к счастью для блюстителей порядка, лишился дара речи.

Старший инспектор. В этом районе, сэр, уже совершено несколько чудес. Что-то из ряда вон выходящее.

Полковник. Чудес?!

Старший инспектор. Да, чудес, сэр.

Полковник. Но чудес не бывает!

Старший инспектор. Не совсем так, сэр. К великому прискорбию, сэр. Мы бы не посмели беспокоить вас ночью по пустякам. Но, видите ли, сэр, поскольку вы являетесь членом парламента, мы думали, вы могли бы помочь нам...

Полковник. Что еще такое? В чем дело?

Старший инспектор. Речь идет о нашем констебле Уинче, который исчез прошлой ночью. Мы обыскали все. Даже дно у мельничной плотины. Навели справки по всей линии железной дороги.

Полковник. Уж не хотите ли вы, чтобы я сейчас, за десять минут до полуночи, пустился на розыски?

Старший инспектор. Что вы, сэр! Но мы получили телеграмму.

Полковник. Ну и что это за телеграмма?

Старший инспектор. Телеграмма, сэр, из... из Сан-Франциско.

Полковник. Ого! Что такое? (Хватает телеграмму. Читает.) "Телеграмма с оплаченным ответом, 36 слов. Дьюинтонское полицейское управление, Эссекс, Англия. Сообщите, исчез ли полисмен Уинч точка. Таинственно появился здесь точка. Легко пострадал уличной катастрофе собственной вине точка. Ссылается на чудо точка. Обвиняет некоего Фотэрингея точка. Все сведения и распоряжения для полисмена телеграфируйте лично мне Сан-Франциско, канцелярия Уилла Прэкмена точка. Расходы несую я".

Полковник. Попахивает мистификацией.

Старший инспектор. При всем уважении к вам, сэр, должен заявить: это не мистификация, а нечто более серьезное. И все этот малый, Фотэрингей.

Полковник. Фотэрингей! Дайте мне виски. Если я не глотну виски, то совсем с ума сойду.

Дворецкий. Слушаюсь, сэр... но...

Полковник. О господи! Неужели и тут чудо?

Дворецкий. Я принесу новую бутылку, сэр, возьму еще нераскупоренную.

Снова кабинет полковника. Дворецкий распечатывает и откупоривает четырехгаллоновую бутылку виски. Все его окружают, затаив дыхание, но все же храня слабую надежду. Наливаются четыре бокала - без содовой. Сейчас не до пустяков. Четверо мужчин делают по глотку одновременно и ставят бокалы на место. Лица их мрачны.

Полковник (прерывая молчание). Мыльная вода.

Старший инспектор. Даже еще хуже, сэр. Я бы назвал это напитком трезвенников.

Полковник. Ну, Моди, что скажете?

Дворецкий. Ничего не понимаю, сэр. Но клянусь, скорее я отравлю дитя, чем оскверню виски.

Старший инспектор. Поверьте мне, это опять Фотэрингей.

Полковник. Фотэрингей! Снова Фотэрингей. Спокойно. Будем соблюдать спокойствие. Так. Полнейшее спокойствие. Я повидаю этого малого завтра утром. Не волнуйтесь. Я только побеседую с ним. Тихо-мирно. Горячиться бесполезно. Я все у него выясню. Смитлз, вы приведете его ко мне как бы случайно. Будто просто, чтобы посоветоваться. Приведете ко мне в сад. Не вспугните его. Но не сводите с него глаз, когда поведете. Дубинку держите наготове. Пусть только пальцем шевельнет. Пусть только попробует выкинуть какой-нибудь номер, бейте его по голове. Я вам помогу.

Полковник (сам с собой). Нет, сегодня вечером я не буду с ним встречаться. Только на открытом воздухе. Среди бела дня. Когда видишь каждое его движение. Лицом к лицу.

13. ПОЛКОВНИК В РОЛИ ПРОСИТЕЛЯ

Розарий возле дома полковника. Милый старомодный сад, всевозможные породы деревьев, даже чилийская араукария. Виден дом. Ярко светит солнце.

Полковник весь в белом, на голове у него соломенная шляпа, в руках инструмент, которым можно выпалывать одуванчики и подорожники, не наклоняясь. Однако занят он не прополкой. Он шагает взад и вперед, волоча за собой свой инструмент. Бессонная ночь не принесла покоя. Он уговаривает себя:

- Надо спокойно и уверенно взять все в свои руки. Без шума. Без лишнего волнения. Изучить противника. При необходимости быть беспощадным. Только огласки лучше избежать. Вот и они!

Видны приближающиеся старшин инспектор полиции и Фотэрингей.

Полковник Уинстенли. Так вот он, чудотворец. Прямо скажем, не похож. Негодяй. Испоганил мне виски, испортил коллекцию. Только не волноваться! Взять себя в руки! Так что же, господин старший инспектор, это и есть тот самый молодой человек, с которым вы хотели меня познакомить?

Старший инспектор. Да, я привел мистера Фотэрингея, сэр, как вы приказали.

Фотэрингей (с привычной почтительностью и с вновь обретенной уверенностью). К вашим услугам, сэр.

Полковник Уинстенли. Мне нужно с вами поговорить. Seriously с вами поговорить. Как член парламента и первый помощник судебного исполнителя графства, как бывший владелец ценной коллекции оружия, как хозяин некогда великолепного погребка, как организатор местного Общества защиты закона и порядка и, наконец, как согражданин нашего бедняги констебля Уинча, я должен с вами поговорить. Мне хотелось бы, если позволите, получить объяснение...

Фотэрингей. "Как" - но это я сам бы хотел узнать. "Почему" - объяснить почти так же трудно. Я, кажется, умею творить чудеса - вот все, что я знаю.

Полковник Уинстенли. Миленькие чудеса, что и говорить!

Фотэрингей. Видите ли, трудно угадать, что можно делать, не обижая других.

Полковник Уинстенли. Не обижая других! А как еще, черт возьми, рассматривать мне этот фокус с моим виски и коллекцией?

Фотэрингей. Но мистер Мэйдиг...

Полковник Уинстенли. Мэйдиг - этот новый проповедник, да? Он-то тут при чем?

Фотэрингей. Он мне дал совет.

Полковник Уинстенли. Дал совет!

Фотэрингей. Он считает, что если хоть раз вы ляжете спать трезвым...

Полковник Уинстенли. Будьте добры повторить, что вы сказали.

Фотэрингей. Ну, если бы у вас не нашлось чего выпить...

Полковник Уинстенли. Продолжайте, сэр, продолжайте. Я выдержу. Выслушаю вас до конца.

Фотэрингей. А что касается этого символического превращения ваших шпаг, мы хотели этим в какой-то мере, так сказать, подготовить ваше сознание к Мирной эпохе.

Полковник Уинстенли. И когда же эта эпоха наступит?

Фотэрингей. В самом скором времени. Мир, Изобилие. Мистер Мэйдиг мне в точности объяснил, с чего начинать.

Полковник Уинстенли. Когда же все-таки вы решили начать?

Фотэрингей. Я должен встретиться с ним около двенадцати, так что, думаю, Золотой век мы начнем что-нибудь сразу после полудня.

Полковник (делается устрашающе спокойным. Он говорит, обращаясь к саду). Они думают начать Золотой век сегодня после полудня. (Потом обращается к небу и к вселенной, произнося слова с расстановкой.) Они... думают... начать... Золотой... век... сегодня... после... полудня. (Он оборачивается к Фотэрингею.) При таких обстоятельствах вряд ли стоит вспоминать мою коллекцию или виски...

Фотэрингей. И не вспоминайте. Право же, мы не хотели никого задевать. Я сейчас верну все на место. (Жестикулирует и что-то говорит про себя.)

Полковник Уинстенли. И это все, что от вас требуется? Только и всего?

Фотэрингей. Только и всего.

Полковник Уинстенли. И чудо готово? Виски - снова виски? И коллекция на месте?

Фотэрингей. Пойдемте посмотрим. Самое невероятное - что я действительно могу творить чудеса. Например, я мог бы превратить этот сад в пальмовую рощу с тиграми. Кажется, и вправду для меня нет ничего невозможного.

Полковник (вглядываясь в него). Говорите, для вас нет ничего невозможного! Для вас?

Фотэрингей. Для меня. Подумаешь, пустяки какие!

Полковник. И вы можете решительно все?

Фотэрингей. Ну, хотите, я что-нибудь сделаю?

Полковник (слегка опешив). Кто, вы?

Фотэрингей (выдавая скрытое раздражение). А почему бы не я? Хотите увидеть чудо? Что-нибудь грандиозное?

Полковник. Да, наверное, это полезно знать наперед, с чем придется столкнуться.

Фотэрингей. Хотите опять побывать в Индии? Хотите взглянуть на... ну, назовите какой-нибудь индийский город. Например, Бомбей. Пусть мы оба очутимся в Бомбее.

На экране - оживленный Бомбей.

Фотэрингей. Ну как, полковник?

Полковник (протирает глаза). Вы даже такое можете?

Фотэрингей. А кто же это сделал? Вы довольны, что очутились в Бомбее?

Полковник. Город сильно изменился. Но я узнаю его. Да, точно, мы в Бомбее. А как мы, черт возьми, вернемся назад, одному богу известно. У меня после завтрака деловые свидания.

Фотэрингей. Прекрасно. Ваши свидания состоятся. Мы не станем здесь задерживаться. Назад, в Дьюинтон, в сад полковника! А ну!

И вот они опять в саду.

Фотэрингей. Так как же, сэр? Могу я творить чудеса или нет?

Полковник. Безусловно. Расстояний для вас не существует.

Они молча направляются к дому. Затемнение.

На экране холл в доме полковника. Все на своих местах. Полковник и Фотэрингей продолжают разговор, начатый, очевидно, раньше. Полковник сидит на столе. Фотэрингей то стоит, то ходит взад-вперед.

Фотэрингей. К примеру, мистер Мэйдиг - у него полно Идей. И Воображения. А разве стоит, имея этот дар, который вдруг свалился на меня, заниматься всякими там деловыми и банковскими операциями? Мистер Мэйдиг назвал их Системой Нужды, а мы собираемся устроить жизнь по Системе Изобилия. Теперь люди не будут знать нужды. Они перестанут болеть и голодать. Им не придется грабить и мошенничать. Не нужна будет и война.

Полковник. Как я вижу, ничего будет не нужно.

Фотэрингей. Нет, просто все будет по-другому. Мистер Мэйдиг говорит, что если творить чудеса, то на месте стоять нельзя.

Полковник. А если вы положите конец войне - насколько я понял, вы собираетесь заняться этим сегодня же, еще до вечера, и я начинаю верить, что у вас это получится, - если вы положите конец конкуренции, освободите людей от необходимости работать, дадите им денег больше, чем они могут истратить, то что же людям останется ДЕЛАТЬ, спрашиваю я вас, сэр? Что им останется делать?

Фотэрингей (простодушно и откровенно). Знаете, и меня это ставит в тупик. Но мистер Мэйдиг говорит, отчего бы нам всем просто не любить друг Друга?

Полковнику это кажется уже слишком. Он соскакивает со стола и орет:

- Просто всем любить друг друга! Любить друг друга! Вы что, спятили, сэр? Или вы не человек? И у вас нет стыда? Любить! Это же самое сокровенное, самое святое из человеческих чувств.

Фотэрингей. О, мистер Мэйдиг, по-моему, имел в виду совсем другое. Конечно, ведь есть еще и искусство, и наука, и всякие ремесла.

Полковник. От безделья рукоделье и... (он задыхается) ...и шутовство.

Фотэрингей. Ну, можно попробовать. И мистер Мэйдиг говорит: нельзя знать точно, что люди захотят делать.

Полковник (дает волю гневу). Мистер Мэйдиг говорит то! Мистер Мэйдиг говорит это! А сами вы собираетесь начать этот свой бредовый Золотой век ровно через шесть часов. Вы хоть подумали, что будет с нами со всеми? Что всех нас ждет?

Фотэрингей. Сам я точно, конечно, не знаю. Что-то изменится. Мистер Мэйдиг говорит...

Полковник (с жестом отчаяния). О!

Он отступает от Фотэрингея на несколько шагов, бросает взгляд на малайский кинжал, самый зловещий из тех, что висят на стене, с минуту колеблется, потом огромным усилием воли заставляет себя вернуться к беседе с Фотэрингеем.

- Послушайте, мистер Фотэрингей, не подумать ли вам несколько часов или... или даже несколько дней над всей этой штукой, прежде чем... прежде чем дернуть за веревочку? Будьте так добры. Ведь как-никак, а у нас цивилизованный мир. И люди сжились с ним.

Фотэрингей. Не так уж блестяще им живется.

Полковник. Но, во всяком случае, они живут. Существует империя. Порядок все-таки.

Фотэрингей. Все это очень хорошо для таких, как вы. Но большинство людей на земле - вроде меня. Для вас вполне естественно желание сохранить существующий порядок вещей. А я вот не прочь этот порядок нарушить. Понятно? Против перемен я не возражаю. Я думаю, это может быть даже занятно.

Полковник. Разве за последние сто лет мало было перемен и открытий: и железные дороги, и электричество, и фотография, и пароходы, и радио?..

Фотэрингей. Это нас только чуть встряхнуло, но не проняло. Я за Большие перемены к Лучшему.

14. ЧЕЛОВЕК ДЕЙСТВИЯ

На экране кабинет полковника. Время после полудня. Полковник сменил свой "рабочий" костюм и теперь наслаждается сигарой. Кроме него, в кабинете Григсби, Бэмпфилд, старший инспектор, викарий и молодой человек весьма спортивного вида. Им уже поданы кофе, сигары, ликеры и прохладительные напитки.

Главный в этой сцене - полковник, он невероятно возбужден. Остальные ему во всем поддакивают.

Полковник. Мне думается, вы даже не отдаете себе отчета, насколько это дело серьезно. Пока мы тут сидим и проводим время, эти двое сумасшедших, опасных для общества, собираются перевернуть мир - перевернуть все вверх дном. Уцелеет хоть что-нибудь? Я вас спрашиваю. Вы же знаете их планы, Григсби.

Григсби. Он погубит любое дело.

Бэмпфилд. Он погубит финансовую систему. Человеческое общество держится только на денежных отношениях, и если они будут нарушены, то полетит все.

Полковник. Он оставит страну безоружной перед любым врагом, какому вздумается совершить налет с воздуха. Этот жалкий продавец - самый опасный сумасшедший, какие когда-либо гуляли на свободе. Говорю вам, мистер Смитлз, законно это или нет, но вы должны его арестовать.

Старший инспектор. Разве что сделать попытку?.. Для местной полиции даже преступники на колесах - и то дело тяжелое, а тут предстоит столкнуться с преступником, который умеет творить чудеса. Это выше наших возможностей, предупреждаю вас, полковник.

Полковник (крупным планом, вид у него необычайно важный). Это выше ваших возможностей. Что ж, я тоже не против закона и порядка - в нормальных условиях. Но разве нормальными условиями это назовешь? Иногда приходится прибегать к решительным действиям, никуда не

денешься. Иногда необходимо даже идти на риск и нарушать закон. Я не прошу вас, джентльмены, разделить со мною ответственность. Разве что позднее... (На лице полковника написана твердая решимость.) Эти люди - все равно что бешеные собаки. И с ними следует поступать, как с бешеными собаками. Чтобы спасти наш мир от их проклятых фокусов, все средства хороши. Когда человека доведут до крайности... доведут до крайности... Это считается смягчающим вину обстоятельством.

Он поворачивается и уходит, кинокамера следует за ним. Широкими шагами он пересекает холл и удаляется. Все словно замирают.

Первым подает признаки жизни Бэмпфилд. Он кивает Григсби медленно и понимающе. Затем оба глядят на старшего инспектора, который сохраняет загадочную сосредоточенность. Викарий делает вид, будто погружен в раздумье. Молодой спортсмен вытягивает шею, следя глазами за полковником.

Мы видим спину полковника, который смотрит на охотничье ружье, висящее на стене. Он осторожно снимает его и осматривает. Но ружье не годится. Нет. Нужна пуля, а не дробь. Он снимает военную винтовку. Подходит к шкафу и достает из ящика патроны. Когда он заряжает винтовку, резко щелкает затвор. Все это он проделывает, стоя спиной к зрителю. Затемнение.

15. СОМНЕНИЯ НА ПОРОГЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА

Прелестная лужайка, освещенная солнцем, близ Дьюинтона. Река. Ивы над бегущей водой, вдали дьюинтонская церковь, окруженная вязами.

Неторопливой походкой входят Мэйдиг и Фотэрингей. Мэйдиг впереди, он ведет разговор. Фотэрингей вынужден следовать за ним.

Мэйдиг. Какой восхитительный день! И подумать только, что это канун Новой эпохи для нашей земли! Мы на пороге величайших перемен, какие только знал мир. Нужда исчезнет, и повсюду воцарится Изобилие. Прощай Старое, да здравствует Новое... Знаете, мне почему-то хочется оттянуть немножко и Начало и Конец.

Они присаживаются на упавшее дерево.

Мэйдиг. Глупый старый мир, какой урок ты получишь!

Фотэрингей. Но мне все-таки желательно точнее представить себе, что мы собираемся делать. Ночь я провел в размышлениях. И мне еще не все ясно.

Мэйдиг. Мне тоже. Я вижу лишь огромное сверкающее зарево надежды.

Фотэрингей. Это хорошо. Но я должен творить чудеса по порядку - одно за другим.

Мэйдиг. Понимаю.

Фотэрингей. Ну вот хотя бы дать каждому доброе здоровье. Надеюсь, это не вызывает сомнений?

Мэйдиг. Конечно, нет! Отличное здоровье, избыток здоровья.

Фотэрингей. Так. Значит, все станут здоровыми. Но я надеюсь, что когда люди получат отличное здоровье, они не бросят работать?

Мэйдиг. Само собой, нет. Зачем? Но только трудиться они будут не по принуждению, а по доброй воле.

Фотэрингей. А что считается отличным здоровьем?

Мэйдиг. Это мы решим.

Фотэрингей. Врачи будут недовольны. Ведь это их дело - лечить нас. Им не понравится наше вмешательство.

Мэйдиг. Что вы говорите, мистер Фотэрингей, что вы говорите! Не убеждайте меня, будто врачей это не порадует - человечество, пышущее здоровьем.

Фотэрингей. И я еще должен вам объяснять? Да у врачей тогда не останется ничего, кроме разыгравшегося аппетита!

Мэйдиг прикидывается возмущенным.

Фотэрингей. Но ведь все так оно и есть. Люди привыкли жить по заведенному порядку. Об этом и говорили мистер Григсби и мистер Бэмпфилд. Если мы раздадим им кучу денег и всего прочего, ведь для них получится все равно что выиграть, не участвуя в игре, Что же тогда им останется ДЕЛАТЬ?

Мэйдиг. О, у них будет уйма дел, уйма!

Фотэрингей. Каких?

Мэйдиг. Ну! Мы можем так организовать все - и собственность, и производство, и торговлю, и денежные отношения, - что будет уйма дел.

Фотэрингей. Да, но мы еще не условились, как этого добиться.

Мэйдиг. Ну, это мелочи. Что же касается проблемы праздности - она уже ставилась перед учеными, изобретателями, рационализаторами и прочими. Проблема не новая. Вы с вашими чудесами лишь немного ускоряете события, вот и все. Научный прогресс давно предостерегает нас. Что людям делать, говорите? Стремиться к счастью, наслаждаться искусством, творить!

Фотэрингей. Вот когда вспомнишь полковника. И вы уверены, мистер Мэйдиг, что люди - обыкновенные люди - так уж захотят заниматься творчеством и прочим?

Мэйдиг. Мы должны заставить их хотеть.

Фотэрингей. Но вот тут-то моя власть и кончается. Я не могу влиять на волю людей; я уже пробовал. Я могу перевернуть их вверх ногами, могу в мгновение ока перебросить их в Сан-Франциско, излечивать их от болезней, наделять богатством, но люди остаются людьми.

Мэйдиг. Человеческая личность остается верна себе.

Фотэрингей. Ну, будь по-вашему.

Мэйдиг. Но ведь вы можете воздействовать на них и косвенно. Более здоровые люди и чувствуют себя более счастливыми. Чем людям легче живется, тем они добрей. Они делаются только лучше, если их не раздражать и не притеснять.

Фотэрингей. Да. В какой-то мере. В какой-то мере это так. Но разве тогда не возникнут новые желания? У меня вот появились неудержимые желания, мистер Мэйдиг. И от сознания обретенной власти они только растут.

Мэйдиг. О, мой юный друг! Как часто приходилось мне слышать подобные признания от молодых людей в расцвете их сил! Знаю. Понимаю. У всех нас бывают сильные желания.

Даже у меня...

По лицу Мэйдига видно, что на него нахлынули воспоминания.

Фотэрингей. При чем тут вы! Я говорю о себе.

Мэйдиг. Уверю вас, вы ничем не отличаетесь от других.

Фотэрингей. Вот именно. В этом-то вся и беда. Если все похоже на меня...

Мэйдиг. Нашими желаниями должна руководить чистая любовь.

Фотэрингей. Я испытал чистую любовь.

Мэйдиг. И что же?

Фотэрингей. Этого мало. Она, эта девушка, Мэгги Хупер, и посоветовала мне обратиться к вам.

Мэйдиг. Я знаю ее. Хорошая, скромная и благоразумная девушка.

Фотэрингей. Да. И я нежно люблю ее. Все так. Но та девушка... тот тип девушек, какой вызывает во мне желание, совсем другой.

Он встает.

Мэйдиг. Ну-ну! Кипение страсти. Вы должны обуздать свои желания.

Фотэрингей. Почему же должен? Я желаю девушку по имени Эйде Прайс. Мэгги пришивает мне пуговицы и штопает носки. Она очень мила, когда пришивает пуговицы или штопает носки. Но в Эйде Прайс есть, что называется, "пойди сюда..."

Мэйдиг (тоже встает и принимает позу проповедника). Старо, как мир. Боритесь с искушением. Вашим девизом должно быть Служение Людям.

Фотэрингей. Почему должно быть? Почему Служение Людям? Почему я должен делать людей здоровыми и красивыми, а сам ничего не получать взамен? Почему я должен уступить Биллу Стоукеру, будь он неладен?

Мэйдиг. Дорогой друг!

Фотэрингей. Большинство людей скажут вам то же самое! И моя Сила - она даст мне свободу. А все эти чудеса со Скоростью, Изобилием и Исцелением они дадут свободу и другим людям. Соблазн - вот что нас влечет.

16. НА СЦЕНУ ВЫСТУПАЕТ СМЕРТЬ

Те же лица.

Раздается выстрел. Резкий свист пули. С головы Фотэрингея слетает шляпа, он подносит к раненой голове руку. С изумлением глядит на испачканные кровью пальцы. Вторая пуля сбивает ветку над самой его головой.

- В нас стреляют! - кричит Мэйдиг. - Ложитесь! - И расплывается на земле.

Однако Фотэрингей продолжает стоять.

Фотэрингей. Перестаньте! Перестаньте стрелять!

По его щеке течет кровь.

Фотэрингей. Пусть пули меня не берут. Пусть я останусь невредим. Пусть рана на голове перестанет кровоточить и заживет.

Но лицо его и руки так и остаются в крови до конца этой части, невольно придавая его лицу некую пугающую таинственность.

Фотэрингей. Пусть я буду неуязвим. Слышите? А ну!

Он думает, принимает решения и меняется прямо на глазах. С этой минуты и до конца фильма в нем чувствуется подлинная сила. От его прежней почтительности и неуверенности не остается и следа.

Фотэрингей. А теперь поглядим, кто послал эту пулю. Хочу перемолвиться с ним словечком. Эй, вы, там! Пусть ствол вашей винтовки будет заклепан раз и навсегда!

Он останавливается. Смотрит на Мэйдига, который, оглядываясь на Фотэрингея, медленно поднимается на четвереньки. Взгляды их встречаются, и в дальнейшем они уже не играют в учителя и ученика.

Фотэрингей. Встаньте, Мэйдиг... Вот все, чем сумел отплатить этот глупый мир человеку, способному творить чудеса! Человеку, который хотел создать для него все блага! Излечить людей! Дать им изобилие! Свободу!.. Они пытались меня убить! Остановить меня! Еще... - продолжает он рассуждать, подняв палец, - еще какой-нибудь дюйм - и меня не стало бы... А теперь посмотрим, кто стрелял. Кажется, я догадываюсь.

Мэйдиг. Я тоже.

Они идут вместе. У Мэйдига ноги длиннее, однако на сей раз он держится позади Фотэрингея.

Мэйдиг. Мне кажется... а не лучше ли было бы и меня сделать неуязвимым?

Фотэрингей (мгновение смотрит на него). Все в свое время, Мэйдиг. Не волнуйтесь, я о вас позабочусь. Пока со мной ничего не случилось, уж поверьте мне, все будет в порядке.

В кадре полковник, который спрятался за густую цветущую изгородь. Жимолость и шиповник. Он следит сквозь ветви за приближающимися. Грозит им кулаком. Мэйдиг и Фотэрингей пересекают широкую лужайку, двигаясь на полковника. Полковник вскидывает винтовку с намерением выстрелить, но обнаруживает, что винтовка не действует.

Полковник. Нет, это уж слишком. (Бормочет.) В укрытие. (Бросает винтовку, припадает к земле.)

И снова на экране непреклонное лицо наступающего Фотэрингея. За ним следует Мэйдиг, напуганный и покоренный. Они все ближе и ближе. Виден верхний край изгороди. Мэйдиг и Фотэрингей заглядывают через изгородь.

Фотэрингей. Где он?

Мэйдиг и Фотэрингей продираются через изгородь и осматриваются. Полковника и след простыл. В густой траве валяется брошенная винтовка.

Мэйдиг. Он скрылся! В любую минуту опять может выстрелить.

Фотэрингей. Не может.

Мэйдиг. Надеюсь. Вот если б и я был неуязвим...

Фотэрингей. Но где же он? (Смотрит на изгородь и вдруг оживляется.) А ну-ка! Вы все - шиповник, жимолость, крапива, травы - все-все! Отвечайте! Говорите! Где он?

Крупным планом Шиповник (голос у него визгливый и тонкий). Он слева, в канаве.

Крупным планом Крапива (язвительным тоном). Он слева, в канаве.

Крупным планом Жимолость (сладким голоском). Он подо мной, в канаве.

Крупным планом Трава в канаве (унылым травянистым голосом, немного похожим на голос Греты Гарбо). Он тут.

Трава расступается, и полковник медленно выползает из канавы; мгновение он остается не четвереньках, досадуя на весь мир, затем выпрямляется.

Полковник (с гримасой). Kamerad!

Фотэрингей. Я так и подумал на вас. Никто Другой не посмел бы выступить так открыто. Только вы - человек действия. Я знал, что это вы.

Полковник. С чудесами бороться невозможно. Что подделаешь! Теперь вы, верно, начнете проделывать свои глупые обезьяньи трюки. Жаль, что я промахнулся в первый раз. Что ж, открывайте с мистером Мэйдигом свой чудесный Золотой век, посмотрим, как он вам понравится.

Фотэрингей. Нет.

Полковник. Уж не хотите ли вы сказать, что одумались?

Фотэрингей. Я серьезно и тщательно все обдумывал целых два дня, полковник. Золотого века, видимо, не будет. Видимо, это невозможно. Послушать мистера Мэйдига - так у него идей без счета... Но у меня свои взгляды... и осуществлять все должен не кто-нибудь, а я.

Мэйдиг. Неужели вы хотите отказаться от всего, о чем мы говорили? Только потому, что он в вас стрелял?

Фотэрингей. Нет, не поэтому.

Мэйдиг. Или потому, что в вас разыграли желания?

Фотэрингей. Не только поэтому. Кое-какие ваши предложения я приму, а другие нет. Чудеса ведь творю я - я! Сила эта принадлежит только мне. Теперь это уже не мир полковника Уинстенли. Или там Григсби; или Бэмпфилда, или еще кого-нибудь. И даже не мир преподобного Сайласа Мэйдига. Нет, отныне это мир Джорджа Макрайтера Фотэрингея, Г.Д. [генерального директора], и все будет так, как я захочу, я своего добьюсь. А вы все - вы лишь норовили воспользоваться мной. Теперь я сам собой воспользуюсь.

Мэйдиг. Для чего?

Фотэрингей. Чтобы делать все, что мне взбредет в голову. Иметь желания - вполне естественно для человека, и у меня они есть. Понятно?

Лицо Фотэрингея делается мрачным и решительным.

- Я начинаю разбираться, что к чему в этих чудесах. Вы все уже сказали свое. Единственный разумный человек в этом деле - Билл Стоукер, но ему это не поможет, когда я захочу свести с

ним счета. Пойдемте, Мэйдиг. Вы мне еще можете пригодиться. Мы откроем новый мир Джорджа Макрайтера Фотэрингея прямо здесь, в доме полковника.

Все идут по направлению к городу. Впереди Фотэрингей, весь во власти раздумий. Следом Мэйдиг. Он разговаривает сам с собой и по временам встряхивает головой. В нескольких шагах от них плетется мрачный полковник с испорченной винтовкой в руках.

Звучит зловещая музыка.

Мы видим Фотэрингея по пояс, в анфас, невеселые мысли его текут в такт музыке. Остальные следуют за ним.

17. МОНОЛОГ

Спальня полковника. Предметы мужского обихода. Сапоги для верховой езды со шпорами. Фотографии офицеров полка. На ночном столике пистолеты. Высокое зеркало на ножках. Открывается дверь, и входит Фотэрингей. Он обращается к кому-то невидимому (к Мэйдигу), стоящему за дверью:

- Мне хотелось бы побыть одному. Недолго.

Он закрывает за собой дверь, прерывая связь с внешним миром.

Фотэрингей. Вы обрели Силу, Джордж Макрайтер, и теперь вам от этой Силы никуда не деться. Вы обрели Силу?.. Нет, сила обрела вас.

Он замолкает и глядится в зеркало. Руки держит в карманах.

- Да у меня лицо в крови!

Прикасается к лицу.

Стоя перед зеркалом, принимает различные позы, скрещивает на груди руки, как Наполеон; затем выразительным жестом выбрасывает руку вперед.

- Пусть я буду чуть повыше и покрупнее.

Превращение свершается. Он стоит спиной к зрителю, и лицо его видно в зеркале. И зеркало и комната уменьшаются примерно на одну пятую.

- Если бы еще лоб мне повыше да рот более волевой. Пусть у меня будет высокий лоб и волевой рот.

- Острее взгляд и темнее брови.

Зеркало отражает все эти превращения.

Фотэрингей. Прямой нос и пышные усы. (Долго рассматривает свое отражение.) Ну и странный вид у вас, сэр! Но вы - это вовсе не я. Что-то вы мне не нравитесь. Нет, пусть я снова буду таким же, как до превращений. Даже чудно видеть вас с такой физиономией, Джордж Макрайтер Фотэрингей. Ну и вид! Нет, уж лучше оставаться Джорджем Макрайтером Фотэрингеем. Быть просто самим собой до конца своих дней.

- Интересно, хотел хоть кто-нибудь быть однажды не самим собой?

Он отворачивается от зеркала и с полной серьезностью спрашивает себя:

- Что же мне все-таки надо? Я могу исполнить любое желание. Что же мне все-таки надо?

Нужна мне Эйде? Да, нужна. А что мне, собственно, от нее нужно? Чтобы она поняла, что я Властелин Мира, чтобы почувствовала и признала: да, я властелин. А кроме этого, нужно мне что-нибудь от нее? Ровным счетом ничего. А от Мэгги? От Мэгги тоже. И пусть никто не лезет ко мне со своими уговорами и обещаниями. Я желаю быть Хозяином и Господином во всем, как желает каждый в глубине души. Однако я обладаю Силой. Учтите. Пока я не отдавал себе в этом отчета, я держался в тени. Но теперь... К черту полковника - эту старую перечницу, и Григсби - этого торгаша, и Бэмпфилда, ну их всех к черту! И Мэйдига! Мэйдига а особенности. Подумаешь, будет еще мне указывать, что делать! Добрые советы! Предостережения! Проповеди! Кому все это нужно - этот Прогресс, Служение Людям, и всякие там добрые дела, и самопожертвование? Все сплошной обман! Обман! Они гнут свою линию, а я хочу вести свою. Возможно, я и потружусь на пользу человечества, но им придется мне за это заплатить. Надо внести ясность: мне, именно мне, и еще раз мне, и еще раз, и еще раз мне Джорджу Макрайтеру Фотэрингею!

Крупным планом его пылающее возбуждением лицо, на котором написана свирепая угроза, оно надвигается на зрителя.

18. МИР ДЖОРДЖА МАКРАЙТЕРА ФОТЭРИНГЕЯ

Холл в доме полковника.

Мэйдиг и полковник в тревожном ожидании. Их взаимная неприязнь очевидна. Они не разговаривают. Полковник все еще не может прийти в себя и успокоиться из-за своей испорченной винтовки. Он снимает со стены несколько старых пистолетов и осматривает их. Стволы у них тоже оказываются заклепанными.

Мэйдиг мечется по комнате, что-то шепчет и жестикулирует, то и дело поглядывая на дверь, в которую должен войти Фотэрингей.

Входит Бэмпфилд и спрашивает:

- Случилось что-нибудь еще?

Полковник. Бог ты мой! Разве вам мало? Он потерял рассудок и очень опасен, а пули его не берут.

В другом конце холла открывается дверь, ведущая в кабинет, и появляется Фотэрингей. Лицо его мертвенно-бледно и возбуждено.

С угрожающим видом он медленно приближается к троим мужчинам. Они застыли на месте; чувствуется их огромное напряжение; они ждут, чтобы он заговорил первым.

Фотэрингей. Так вот, у меня родились собственные Идеи. Вашему старому миру конец. На смену придет Новый Мир Чудес. Это будет Мой мир!

Бэмпфилд. Конечно, Сила на вашей стороне, сэр, однако...

Фотэрингей. Будут возражения?

Бэмпфилд. Перемены, даже чудесные, могут оказаться чересчур резкими. Ведь существует же инерция.

Фотэрингей. А, собственно, что такое Инерция?

Бэмпфилд. Привычка жить по заведенному порядку. Даже машину вы не остановите сразу, на полном ходу.

Фотэрингей (ухмыляясь). Вы забываете о чудесах.

Бэмпфилд. Можете считать, что я выдумываю лишние затруднения, но людям ко всему необходимо приспособиться. Вы должны дать им время. Не слишком торопитесь. Действуйте осмотрительно.

Фотэрингей. Чтобы никогда ничего не добиться! Нет уж. Мы качнем немедленно. Мир Джорджа Макрайтера Фотэрингея. Такой, о каком он мечтал. Какой ему рисовали и каким он себе представил его, когда начал задумываться о существующем порядке вещей.

Мэйдиг. Одно слово, сэр. Что бы вы ни думали э мистере Бэмпфилде, меня-то вы, надеюсь, считаете человеком прогрессивным? Прошу вас, прежде чем предпринять что-либо, составьте План. Без Плана не делается решительно ничего.

Фотэрингей (морщится). Какой такой План?

Мэйдиг. Расчеты. Порядок действий. Творческие задачи.

Фотэрингей. План! Бесконечная болтовня! Колебания! Сомнения! А я хочу увидеть мой новый мир немедленно. Я хочу еще сам пожить в нем. Любоваться им, гордиться им, радоваться ему.

Бэмпфилд. Погодите. Пусть все идет своим чередом - хоть недолго.

Фотэрингей (отвечает ему презрительной усмешкой). А ну, пусть этот дом превратится, в огромный, великолепный дворец, и мы пусть окажемся в его огромном приемном зале. Ну!

Властный взмах руки.

Все четверо остаются на месте, а тесный холл, обшитый деревянными панелями, превращается в громадный и великолепный зал. Справа большие окна, через которые вливаются лучи заходящего солнца. Все, что за этим следует, должно быть грандиозно, ни в коем случае нельзя допустить пародии. Само здание может быть, предположим, в стиле Стокгольмской Ратуши. Или лучше в духе Паоло Веронезе.

Фотэрингей. Неплохо, а? Архитектура делает успехи. Но, кажется, мы неподобающе одеты. А ну, пусть на каждом из нас будет богатая одежда, согласно его роли и положению, чтобы мы не выглядели здесь белыми воронами. Я буду принцем, Мэйдиг и Бэмпфилд - советниками, полковник капитаном гвардии. Ну!

Превращение свершается. Костюмы могут быть в футуристическом стиле или в стиле Ренессанса, но не должны выглядеть смешными или нелепыми.

Фотэрингей. Ничего, вы скоро привыкнете быть капитаном гвардии, полковник. Но здесь что-то пустовато. А где ваше войско, полковник? Пусть его бывший полк прибудет сюда, одетый по всей форме. Ну-ка! (Гвардия появляется.) И пусть сюда явятся все эссекские дворецкие и лакеи в соответствующем платье. Под стиль архитектуры. Как и полагается в богатых домах. Так. Вот теперь я могу здесь творить. Есть где развернуться. Неплохо, верно? А вы и не думали, что я люблю размах? Считали, что, мол, раз я родился маленьким человеком, то таким должен и остаться? Но кому же нравится быть маленьким? Пусть здесь появится ручная пантера, нет, пусть две или лучше пять ручных пантер, слышите, действительно ручных. У меня всегда была слабость к пантерам. И несколько слонов вон там тоже не помешают. Пусть возникнут два слона, украшенные, как полагается, с погонщиками и всем прочим. (Магический жест.)

Фотэрингей. А теперь пусть явится сюда мисс Эйде Прайс в таком виде, как она была вчера вечером, когда я подарил ей тиару и сделал ее красавицей.

Появляется Эйде Прайс в облике Венеры-Клеопатры.

Фотэрингей. Эйде, голубка, как вам все это нравится?

Эйде (оглядываясь по сторонам). О, и полковник Уинстенли здесь! Все так шикарно одеты! Прямо как в сказке. Наконец вы своего добились, Джордж. А где Билл?

Фотэрингей (уязвлен). Вы и минуты не можете прожить без Билла.

Эйде. Просто я подумала, что здесь он был бы к месту. Все это в его стиле.

Фотэрингей (пытаясь сдержать себя). Нет, это в моем стиле, Эйде. (Он размышляет.) На чем же здесь сидеть? Пусть появятся два трона!

Троны появляются.

Эйде. Вы могли бы приготовить трон и для Билла.

Фотэрингей. Нет уж. К тому же этот трон не для вас. Станьте у подножия трона, Эйде, - вот где ваше место... Пусть Мэгги Хупер предстанет здесь в костюме королевы.

Появляется Мэгги. Мэйдиг, который уже начинает понимать, к чему идет дело, чувствует себя уверенней и делает шаг вперед.

Фотэрингей. Так вот, Мэгги, сейчас здесь начнется чудесное царствование Джорджа Макрайтера Фотэрингея. Что мы сделаем с этим миром?

Но Мэгги слишком потрясена, чтобы говорить.

Эйде. Только не делайте его скучным и благочестивым... А про Билла у меня вырвалось нечаянно, Джордж! Честное слово.

Фотэрингей (непреклонно). Сказанного не воротишь. Ну вот что. Таких, как вы, сколько угодно. Вы тут красуйтесь и ждите, пока я не обращу на вас свое внимание. А чтобы составить вам компанию, пусть появятся здесь пять самых хорошеньких после вас девушек в Дьюинтоне, тоже нарядно одетых. Но не слишком строго одетых... В моем мире будет множество хорошеньких женщин - сколько захочу.

Появляется группа девушек. На лицах у них написано изумление, они оглядываются и перешептываются, охваченные благоговейным страхом. Видя красоту других, каждая испытывает непреодолимое желание поглядеться в зеркало. Но только у одной есть маленькое зеркальце, и все просят его наперебой.

Мэгги. Милый Джордж, сделайте мир счастливым. Не делайте его эгоистичным и слишком парадным. Пусть и в самом деле начнется новая, великая эра.

Мэйдиг (становясь все самоуверенней). Начнем все сначала. Справедливость. Мир. Изобилие.

Фотэрингей (Бэмпфилду). Вы полагали, я не знаю, как это делается? Сейчас увидите. Спешить не станем, но и медлить незачем. Я многое понял за эти три дня и теперь знаю что к чему.

Мэйдиг. Продумайте все. Посоветуйтесь.

Фотэрингей оборачивается к нему, жестом выражая что-то среднее между увещанием и насмешкой. Что ж, он посоветуется, но только по-своему.

Камера поворачивается, и теперь Фотэрингей виден сбоку: он стоит на верху бесконечной лестницы, а под ним - огромный пустой дворцовый парк. Его окружают Мэгги, Эйде, Мэйдиг, Бэмпфилд, полковник. По ходу действия появляются все новые советники. Крупным планом его темный профиль на фоне просторного, ярко освещенного зала для приемов.

Фотэрингей. Итак, пусть этот зал раздвинется, чтобы вместить всех людей, каких я намерен сюда вызвать. Пусть сюда явятся двести самых крупных банкиров и станут вон там. (Появляется толпа удивленных джентльменов.) Вот они. Теперь пусть явится тысяча управляющих и владельцев крупных фирм. (Зал начинает заполняться.) А теперь - правители, вершащие судьбы людей, короли и президенты, политические деятели и полководцы, и те, кто диктует свою волю газе гам, и все, кто преподает и проповедует. Пусть явится их... м-м... пять тысяч. Ну!

Зал, простирающийся у его ног, быстро наполняется огромной толпой мужчин (среди них и несколько женщин) по большей части средних лет и респектабельной внешности. Есть тут священники в мантиях и военные в мундирах. Индийские лидеры. Китайские генералы. Японские - старого и нового режима. Словом, здесь собраны все деятели, перечисленные в английских, американских и других биографических справочниках. У всех самообладание людей, привыкших бывать в обществе и выступать перед толпой. Они прохаживаются, слегка ошеломленные, обмениваются приветствиями, вопросами и наконец замечают самого Фотэрингея. Их поднятые лица должны быть показаны слегка карикатурно. Наконец-то сливки мыслящего человечества обратили внимание на мистера Джорджа Макрайтера Фотэрингея.

Фотэрингей. Итак, мы собрались здесь для большого, серьезного разговора. Я самый обыкновенный человек, а вы властители мира. Мне говорили: надо подумать, надо посоветоваться. Вот я и пригласил вас всех сюда! Всех! Очень даже просто. (У него перехватывает дыхание, и он замолкает. Затем продолжает с напряжением.) Итак, я собрал вас. Собрал вас всех. Всех, чьи портреты помещают в газетах, кто занимает самые высокие посты, кто всегда окружен толпой, кому рукоплещут, кого приветствуют! Я созвал всех, кто правит миром, чтобы сказать вам: правьте им лучше. Слышите... (От волнения он повышает голос.) ПРАВЬТЕ ИМ ЛУЧШЕ!

Пока звучит его речь, крупным планом мелькают лица выдающихся людей.

Фотэрингей (помолчав, принимается выговаривать им). Вы и вам подобные всегда жили в роскоши. Мы вам доверили мир. Таким, как я, волей-неволей приходилось доверять вам. А вы чем нам отплатили? Что вы сделали для нас за то доверие, какое мы вам оказали? Наука творила чудеса и до меня. Было возможно полное изобилие. Так писали газеты. Так утверждали ученые. Вы были свободны и могли делать, что хотели. А что вы сделали для нас? Какова наша участь?

Протестующие лица и возгласы политических деятелей и журналистов. Какой-то экономист что-то объясняет жестами, слов не слышно.

Фотэрингей. О, я знаю. Мне следовало подождать. Подождать, пока из молодого и нищего я превращусь в старого и нищего. И я ждал... Долгие годы терпеть, пока вы прибираете все к рукам, и бездействовать. Вам-то что? Разве вы об этом задумывались? Очень вам надо! Но теперь советую вам задуматься.

Крупным планом группа возмущенных. Один из военных хватается за кобуру.

Фотэрингей (указывая на него пальцем). Стрелять бесполезно. В меня уже стреляли. Больше не выйдет. Убийствам конец. Правду вам все равно не убить. Здесь я хозяин, им я и останусь! Я, Джордж Макрайтер Фотэрингей! Ваша Власть кончилась. Можете до поры до времени ходить, гордо задрать голову, напустив на себя важный вид, и выкидывать свои старые штучки, но, повторяю вам, ваша Власть кончилась. (Показывает на заходящее солнце,

которое видно в огромные окна.) Это заходит ваше солнце. Для всех вас наступил закат. И вы это знаете. Вы спросите: куда она денется, эта Власть? Она перешла ко мне, простому человеку, и уже довела меня до безумия; она перешла ко мне с помощью чуда.

Кадры, показывающие монолитную толпу, исполненную сосредоточенности. Затем снова профиль Фотэрингея и поднятая рука.

- А теперь вам придется потрудиться, и не теряйте времени. Создайте новый мир, в котором я буду счастлив. Объедините-ка усилия, все вы. Знаменитости, и попробуйте хоть однажды действительно быть достойными этого звания. Обсудите все по существу, всерьез. И сразу же, не откладывая. Что у вас там получилось с собственностью? Почему собственность - это проклятье почти для каждого из нас, а вовсе не основа нашего общего благополучия, как вы пытаетесь утверждать? У меня не было ничего. И я не знаю, что такое владеть собственностью. Но вы-то все знаете. Разве большинство из вас не употребляло ее во зло, захватив больше, чем ему нужно? Пытались вы хоть когда-нибудь внести в это дело ясность и навести порядок? И почему столько несчастий приносят деньги? Это все ваши махинации. А если и не ваши, то всяких там негодяев, которым вы потакаете. Словом, и вы причастны к этому. Вы вели друг против друга мелкую игру. Лучшая забава для вас. Деньги! Мистер Бэмпфилд называет их источником жизненных сил общества, а разве вы позаботились о его чистоте? Разве вы использовали свой досуг и преимущества, чтобы заставить деньги лучше служить людям? Нет и нет. А разве не могли вы покончить с войнами? Могли. Неужели сотня людей с твердой волей, что заседает в верхах и не боится чуть пошевелить мозгами, не могла за последние двадцать лет покончить с войной раз и навсегда? Впрочем, боюсь, вы слишком любите марши, шпоры и плюмажи. И вам нет дела до таких, как я! Вам лишь бы покрасоваться перед строем, когда все отдают вам честь. Неужели вы и впрямь забыли про таких, как я? Ничего подобного. У вас нет даже этого оправдания. Подумаешь, несколько траншей, полных убитыми! Вам это только придает уверенности и самомнения, так ведь?

Он замолкает и в подтверждение своих слов кивает головой.

На экране мелькают генералы, военные, несколько министров иностранных дел, фабриканты оружия и прочие. Они обмениваются вопросительными взглядами. Потом на экране снова Фотэрингей.

Фотэрингей. Ну-ка, быстро! Наведите-ка полный порядок, быстро! Понятно? Я жду. Никаких проволочек. Вам не дадут ни есть, ни пить и не выпустят отсюда, пока вы не наведете порядок в том хаосе, в котором жили сами и вынуждали жить меня с самого рождения. Вот все, что я хотел вам сказать. А если вы не выполните мои требования, я сотру вас с лица земли, как ребенок стирает мел с доски. Это мое последнее слово. Вот что накипело во мне с тех пор, как я прозрел. Вот чего требует Джордж Макрайтер Фотэрингей!

Мэйдиг (Бэмпфилду). Он совсем спятил.

Бэмпфилд (Фотэрингею). Но ведь им нужно время, чтобы обдумать все это.

Фотэрингей. Если я дам им время, они его все равно растратят попусту. У них было время, за которое сменились целые поколения. Поколения им подобных. А что они сделали? Чем были они заняты, когда я вызвал их сюда?

Бэмпфилд. Но это не делается сразу.

Фотэрингей. Должно быть сделано, и без промедления! Пусть будет мир добра и счастья. Мир разума. А потом, когда это будет осуществлено, мы посмотрим... (Он бросает на придворных дам нежный взгляд.) Посмотрим, что еще можно взять от жизни.

Бэмпфилд (пытаясь убедить Фотэрингея и себя самого). Но ведь существует инерция сил,

движущих нашим обществом.

Фотэрингей. Инерция! Я всегда был противником инерции. Во мне уже созрели силы и жажда перемен. Мне осточертел ваш старый мир с его инерцией!

Мэйдиг. Подождите хотя бы до завтра. Уже закат солнца. Дайте им ночь на размышление.

Фотэрингей. Что за спешка с этим закатом солнца? Я могу и задержать его. Я желаю видеть мой новый мир сейчас же.

В разговор вступает новый советник, который оказался рядом:

- Не можете же вы остановить солнце, сэр!

Фотэрингей. Что? А я вам говорю - могу.

Новый советник. Нет, сэр. Тогда все планеты сорвутся со своих орбит и улетят во мрак космоса.

Фотэрингей. Вы рассуждаете, как какой-то банкир.

Новый советник. С вашего позволения, я профессор физики.

Фотэрингей. Все равно я остановлю солнце. У меня оно не зайдет, пока я не захочу лечь спать после того, как мы наведем порядок.

Новый советник. Но тогда вам придется остановить вращение Земли!

Фотэрингей. Что я и намерен сделать. И не спорьте со мной, Мэйдиг, никто пусть со мной не спорит. Хватит возражений! (Он сжимает кулаки и топает ногой. Им овладевает неистовство.) Слушай, Земля, сейчас же перестань вертеться! Ну! Стоп!

Музыка, которая звучит все тревожней, переходит в глухой рокот; все вокруг трепещет и содрогается. На экране мелькают беспорядочные полосы. Рокот сменяется бурным потоком звуков, и вот снова звучит та же величественная музыка, что и в Прологе.

19. В ПОСЛЕДНИЙ МИГ

Вселенная, усыпанная звездами. На фоне звезд появляются те же три гигантских Всадника, что и в начале фильма. Игрок сидит и смотрит вниз на Землю. Двое Других выглядывают из-за его плеча. Притихшая было музыка опять звучит рокочущим крещендо.

Игрок. Что произошло?

Наблюдатель. Он остановил вращение Земли!

Равнодушный. Неужели вот так, сразу?

Наблюдатель. Да.

Равнодушный. Значит, теперь все разлетелось, движимое собственной инерцией, - вот вам и конец ваших глупых любимцев и их глупой планетки. Какая нелепость! Ну, что я вам говорил? Все кончено. Пошли!

Игрок. Нет, нет. Еще не все кончено. Он еще жив, и жизнь его удивительна. Согласно его воле.

Наблюдатель (наклоняясь ниже). Готово! Нет, мимо! Опять мимо. Чуть его не прихлопнуло.

Что и говорить, диво, а не жизнь.

Смещение: на какой-то миг фильм делается отвлеченным. Замедленная съемка, в результате все на экране мчится стремглав. В музыке звучит волнение, тревога, смятение, она оглушает. Перед глазами зрителя настоящий ливень. Ниагарский водопад, все летит: деревья, дома, машины, корабли, вода, железнодорожные мосты, целые горы проносятся в воздухе. Стихии тоже разбушевались. Рев урагана. Мечущиеся рваные облака, гигантские сполохи и зигзаги молний. Музыка неистово грохочет.

Виден Фотэрингей, летящий вверх тормашками в этом вихре предметов. Он двигается рывками. Придворный слон чуть не сбивает его. Огромный обелиск проносится совсем рядом... Издалека слышится голос Наблюдателя:

- Готово. Нет, мимо.

Раздается прерывающийся голос Фотэрингея:

- Пусть все будет... так же... как было... за минуту до того... как я вошел в "Длинный дракон".

Все мгновенно останавливается. Затем все предметы делают поворот, словно корабли в море, и устремляются вниз черными и серыми линиями, которые, закрутившись вихрем, тут же превращаются в провинциальный городок, тот самый, какой зрители видели в начале второй части. Вот улица, на которой расположен "Длинный дракон". Перед дверью кабачка мы видим Фотэрингея. Он стоит, почесывая в затылке. Глядит на небо. Неужели это был сон?

- Пойдите, пойдите. Еще не все кончено. Ох, уж эти чудеса! Ежели я и впрямь их творил, пусть после слова НУ я никогда больше не смогу это делать. Хватит чудес. Надо забыть об этом. Забыть. Выкинуть из головы, раз я не в силах управлять ими. Ну!

Над его головой появляется черная столпообразная, трепещущая тень, через которую в него проник чудесный дар, она чуть колышется в своем мрачном величии и уносится ввысь.

20. ВЫСШИЕ СИЛЫ ВЫНОСЯТ ПРИГОВОР

И снова те же три гигантских Всадника, что и в Прологе.

Равнодушный. И так, у него больше нет этого дара. Он сам отказался от него.

Наблюдатель. А перед тем разрушил свой мир. Твоя глупая планетка. Брат, была на краю гибели. Взгляни на них. Никто там и не подозревает, что всего минуту назад он несся с остальными в бездну, был стерт с лица Земли и снова возрожден с помощью чуда.

Равнодушный. Да что они понимают! Он же сказал: "Надо забыть все". Ну, что дал ваш опыт. Брат? Каково ваше мнение об этом представителе рода человеческого? Ничего, кроме самоуверенности и самой обыкновенной похоти. Да еще немножко мстительности, когда его рассердили. Вот все, на что способны эти существа, и так будет вовеки. Чего вы от них добьетесь?

Игрок. Они совсем недавно были обезьянами. Надо дать им время.

Равнодушный. Кто был обезьяной - обезьяной и останется.

Игрок. Ты говоришь, в них нет ничего, кроме самоуверенности и похоти? Нет. В каждом чувствовалось что-то большее. Словно сверкающая крупница золота, затерянная в песке. Вспомните хотя бы этот взрыв негодования, когда они столкнулись с ложью и злом. Это прекрасно. Низкий неспособен негодовать. Потому-то они меня и интересуют.

Наблюдатель. Их негодование всегда эгоистично. Они пребывают в хаосе. Они созданы из хаоса. И для хаоса. Они часть хаоса. Им никогда не вырваться из хаоса.

Игрок. А что, если я дам им силу не вдруг, а постепенно? Если я вдохну в их хаос мысль и мудрость, чтобы они двигались вперед, не отставая от своей растущей силы? Предоставлю им развиваться не спеша? Из века в век. Позволю крупницам золота сплавиться воедино.

Равнодушный. А кончится тем же. Все эти разговоры об инерции, о постепенном развитии вместо внезапных перемен - ерунда. Все кончится печально.

Игрок. Нет. Все изменится.

Равнодушный (скептически). Ты не согласен? Опять не согласен!

Игрок. Вернемся сюда через какие-нибудь сто лет, и вы увидите...

21. DA CAPO*

И снова кабачок "Длинный дракон" в Дьюинтоне. Сначала экран ярко освещен. Все пронизано светом звезд, которые постепенно гаснут и исчезают.

Действующие лица те же и в тех же позах, что и во второй части, когда Фотэрингей сказал: "Я называю чудом то, что свершается по чьей-либо воле вопреки естественному ходу вещей, - то, что без этой воли никогда не свершилось бы".

Тодди Бимиш. Это ваше личное мнение.

Фотэрингей. Но надо же как-то определить, что такое чудо. (Обращается к велосипедисту.) А как ваше мнение, сэр?

Велосипедист вздрагивает, откашливается и молча выражает согласие.

Фотэрингей обращается к Коксу, хозяину.

Кокс. Нет, нет, меня от этого увольте!

Тодди Бимиш. Ладно, согласен. Вопреки естественному ходу вещей. Пусть так. Ну, а дальше что?

Фотэрингей (продолжая развивать свою мысль). Пример. Вот вам чудо. Будет эта лампа, согласно естественному ходу вещей, продолжать гореть, если ее перевернуть вверх дном? Ведь нет, а, мистер Бимиш?

Тодди Бимиш. Вы сами и говорите нет.

Фотэрингей. А вы? Ха! Не станете же вы утверждать обратное?

Тодди Бимиш. Нет. Не будет.

Фотэрингей. Прекрасно. Но вот является некто, ну, хоть я, например, становится здесь, вот так же, как я, и говорит лампе, вот как я, собрав всю свою силу воли и, учтите, без всяких фокусов: "Перевернись вверх дном, приказываю тебе, но не падай и продолжай гореть!" (Молчание.) Вот видите, ничего не произошло.

Кокс. Ничего и не могло произойти. Это было бы нелепо.

Фотэрингей. Совершенно верно. Но ведь чудеса и есть нелепость.

Мисс Майбридж (перетирая бокалы). И все-таки мне иногда так хочется уметь творить чудеса.

Фотэрингей (опираясь о стойку). Интересно, что бы вы сделали, если б могли творить чудеса?

Мисс Мэйбридж. О, массу замечательных вещей. (Короткое молчание.)

Тодди Бимиш. А я бы постарался улучшить наш мир. В разумных пределах, конечно.

На миг каждый задумывается о своем.

Фотэрингей (сосредоточившись, жестикулирует, будто хочет свершить чудо, но ничего не выходит). Кое-что мне все-таки хотелось бы сделать.

Тодди Бимиш. Но такой возможности у вас никогда не будет.

Фотэрингей (навалившись на стойку, уныло кивает головой). Да, такой возможности у меня уже никогда не будет... никогда. (Крупным планом его лицо - он словно силится вспомнить что-то и не может.) Никогда.

Он поднимает было руку, но тут же роняет ее. Музыка звучит громче, опять появляется лейтмотив чуда, но потом бессильно замирает, словно со вздохом. Медленное затемнение.

* Da Capo (итал.) - сначала.